

Вместо
погибшей
сестры

— ♡ —
Елена Львова

Елена Львова

Вместо погибшей сестры

«Автор»

2026

Львова Е.

Вместо погибшей сестры / Е. Львова — «Автор», 2026

— Я забираю Алешу.— Попробуй, — холодно отвечает муж моей погибшей сестры. — И больше никогда его не увидишь. Олег Воронцов — последний человек, которому я доверила бы ребенка. Властный. Богатый. Привыкший решать чужие судьбы одним приказом. А еще он — отец Алеши, и прав у него намного больше, чем у меня. Чтобы остаться рядом с племянником, я соглашаюсь жить в доме Олега. Теперь мы будем жить под одной крышей. Никаких чувств. Никакой близости. Никаких надежд. Только Олег оказывается совсем не тем чудовищем, каким я его считала. А мне с каждым днем все труднее помнить, что я заняла в его доме место собственной сестры. И что влюбляться в ее мужа — неправильно.

© Львова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Нина	5
Глава 1. Нина	7
Глава 2. Олег	11
Глава 3. Нина	15
Глава 4. Олег	20
Глава 5. Нина	25
Глава 6. Олег	30
Глава 7. Нина	34
Глава 8. Олег	38
Глава 9. Олег	41
Глава 10. Нина	45
Глава 11. Нина	50
Глава 12. Олег	55
Г	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Львова

Вместо погибшей сестры

Пролог. Нина

В два часа ночи мне звонит мертвая сестра.

На экране горит имя — Вера, но девять дней назад мы похоронили ее. Несколько секунд я просто смотрю на телефон, потом все-таки принимаю вызов.

— Вера? — голос предательски проседает.

В трубке слышится всхлип.

— Тетя Нина, заberi меня.

Я резко сажусь на кровати.

— Алеша? Ты где?

— В мамином шкафу.

Сон слетает мгновенно. Я отбрасываю одеяло.

— Почему ты там?

Алеша молчит. Только дышит часто, будто боится, что его услышат.

— Алешенька, что случилось?

Уже тянусь за джинсами.

— Бабушка хочет забрать меня к себе. А я не хочу, — жалобно всхлипывает он.

Как забрать? В смысле? А я?

— А папа что сказал?

— Что у бабушки мне будет лучше.

Значит, Олег согласился. Вот же сволочь редкостная! И жена ему была не нужна, и от сына решил избавиться. Муж моей сестры почти не бывает дома. Работа, командировки, бесконечные звонки. Теперь он так же спокойно решил, что сын ему мешает.

— Я не хочу к бабушке, — шепчет Алеша. — Она сказала, что ты больше не придешь. Потому что у меня теперь другая семья.

Будто вместе с Верой закончилась и моя связь с ее ребенком. Я его крестная, на минуточку. И ответственность с себя не снимаю. Да и в конце концов ребенок имеет право на общение с родственниками с обеих сторон.

— Послушай меня внимательно, — набираю в легкие воздуха и подбираю правильные слова. — Никто не запретит мне тебя любить. Понимаешь?

Он шмыгает носом.

— Ты приедешь?

Я смотрю на часы. Два часа семь минут.

— Уже еду, — хватаю ключи от машины и на ходу запрыгиваю в кроссовки.

— Не клади трубку, — просит малыш.

— Не положу. Расскажи, что рядом с тобой.

Слышится шорох ткани.

— Мамино зеленое платье.

Вера надевала его на свой последний день рождения.

— Оно мамой пахнет, — говорит Алеша и торопливо добавляет: — Только немножко.

У меня перехватывает горло, сглатываю горький ком и сбегаю по лестнице.

— Возьми платье за край и держи крепко, пока я еду.

— Взял.

Сажусь в машину и завожу двигатель. Где-то совсем близко раздается мужской голос:

— Алеша, ты где?

Олег. Черт...

— Тетя Нина...

Племянник испуганно втягивает воздух.

— Не бойся, — быстро говорю я. — Я скоро приеду.

Дверца шкафа скрипит. Связь обрывается. Я перезваниваю. Телефон уже выключен. Олег на мои звонки не отвечает. Ну, конечно. Не гоже барину говорить с челядью. Но я этого так не оставлю.

До дома Воронцовых почти сорок минут. Ночью я добираюсь за двадцать восемь. Дождь размазывает огни по лобовому стеклу, а в голове снова и снова звучит Алешино: «У меня теперь другая семья».

Черные ворота открывают только после моей угрозы вызвать полицию и опеку заодно. Я бросаю машину у ступеней и бегу к дому. Входная дверь распахивается раньше, чем я успеваю нажать на звонок.

На пороге стоит Олег Воронцов. Белая рубашка измята, волосы растрепаны, под глазами тени. В руке он держит телефон Веры и закрывает собой дверной проем.

— Где Алеша? — едва не набрасываюсь на него от волнения.

— Спит, — холодно бросает Олег.

— В шкафу?

Он смотрит на меня снисходительно, как на букашку под ногами.

— В своей постели, — все же отвечает. — Прекратите этот балаган.

— Я хочу его увидеть.

— Сейчас три часа ночи, — в голосе Олега слышится недоумение.

— Ваш сын просил меня приехать. Я хочу убедиться...

Олег сжимает телефон сильнее.

— Моего сына не нужно спасать.

На лице Олега появляется знакомое холодное выражение.

— Вы приехали среди ночи, чтобы учить меня воспитывать сына?

— Нет, я...

Я делаю шаг к двери, но Олег не двигается.

Мы оказываемся почти вплотную друг к другу, и ни один не собирается уступать.

— Я приехала забрать Алешу

Олег смотрит мне прямо в глаза.

— А я вам его не отдам.

Глава 1. Нина

Девять дней назад

Земля бьется о крышку гроба тихо. Почти буднично. Я ждала другого звука. Грохота, треска, чего-нибудь такого, от чего все вокруг наконец поймут: это происходит на самом деле.

Веру сейчас закопают. Мою сестру. Самого близкого и родного мне человека.

Люди прячут лица от дождя и по очереди бросают в могилу горсти мокрой земли. На крышке гроба лежат красные розы. Вера не любила красные. Говорила, что они пахнут пафосом и дешевыми извинениями.

Я принесла белые тюльпаны. Продавщица предупреждала, что до вечера они могут не дожить. До вечера им и не нужно.

— Девушка, ваша очередь, — тихо говорит распорядитель.

Беру горсть земли. Глина забивается под ногти.

— Ты обещала, что мы состаримся вместе, — шепчу я.

Земля сыплется вниз. Я отступаю. Женщины плачут. Мужчины говорят, какой Вера была светлой.

Вера не была светлой. Она была громкой, упрямой, обидчивой и совершенно не умела проигрывать. Ненавидела манную кашу, боялась гусениц и всегда опаздывала.

Светлыми называют мертвых, о которых больше нечего сказать.

— Машины ждут, — раздается рядом мужской голос.

Олег.

Черный пиджак застегнут на все пуговицы. Волосы намокли, на висках блестят капли. Он стоит ровно, будто мы не на кладбище, а перед офисом и немного задерживаем начало совещания. За все утро Олег не заплакал ни разу. Вера называла его человеком из камня и недоумевала, зачем вышла за него замуж. Хотя здесь, все очевидно...

— Где Алеша? — спрашиваю ровно.

— Дома.

— Почему его не привезли?

— Потому что ему шесть лет, — сухо поясняет Воронцов. — Ему незачем было это видеть.

— Вы решили за него?

Между бровей Олега обозначается складка.

— Я его отец.

Три слова. Негромкие, но ими он мгновенно ставит между нами стену.

— А я его крестная, — упрямо вздергиваю подбородок. — Я поеду к Алеше.

— Сегодня не лучший день.

— Для встречи со мной?

— Для новых потрясений, — пожимает Олег плечами. Все его движения четкие, словно отрепетированные.

— Я знаю Алешу с рождения. Я не потрясение.

— Поэтому должны думать о нем, а не о себе, — его взгляд ставит точку в нашем споре. Против этой махины сложно идти, тем более сегодня, когда мой внутренний ресурс ушел в глубокий минус.

— Олег, — произносит женщина за его плечом. — Гости уже идут к машинам.

Ирина Аркадьевна подходит к нам, осторожно ступая по размокшей земле. На ней черное платье без единой капли, темные очки и идеально повязанный платок. Даже дождь, кажется, не решается коснуться ее без разрешения.

Она обозначает объятие, едва прикоснувшись щекой к моему виску.

— Держитесь, Ниночка.

Всю жизнь я была для нее Ниной. Ниночкой стала сегодня.

— Я хочу увидеть Алешу, — говорю ей.

— Конечно. Завтра, — улыбка на ее лице могла бы говорить о доброжелательности, но я ее не чувствую.

— Почему не сейчас?

— Он только уснул. Ночью плакал, звал маму. Врач дал ему успокоительное.

— Какой врач? — невольно дергаюсь я. — Что ему дали?

— Все назначено по возрасту. Не волнуйтесь.

Мою сестру только что закопали. Ее сыну дали неизвестное лекарство. Но мне не нужно волноваться.

— Можно я просто посижу рядом, пока он спит? — прошу я, готова даже умолять если потребуется.

— Зачем? — хмуро спрашивает Олег.

Он действительно не понимает.

— Затем, что вчера Алеша потерял мать.

— Он потерял ее не вчера.

— Для него — вчера. Только вечером ему сказали правду.

Вчера племянник сидел на полу моей кухни, катал машинку и спрашивал, когда мама вернется из больницы. Я не смогла ответить. Сказала, что папа сам с ним поговорит.

Вера никогда не лежала в больнице. Она умерла на месте.

— С Алешей няня, — строго говорит Олег.

— У него нет няни.

— Теперь есть.

Нет мамы, зато появилась няня. В доме Воронцовых все решается быстро.

— Я все равно приеду.

Ирина Аркадьевна снимает очки. Ее глаза сухие.

— А если Алеша увидит вас в таком состоянии и снова начнет плакать? Вы напоминаете ему о матери. Дайте ребенку хотя бы несколько дней покоя.

Слова настолько правильные, что возражать им почти неприлично.

— Завтра, — решительно заявляет Олег. — После шести.

— Мне не нужно ваше разрешение, чтобы увидеть племянника, — пытаюсь спорить, но выглядит это все слишком жалко.

— В мой дом — нужно.

Юридически Олег прав. Я всего лишь тетя. Мать Алеши — Вера. Она выносила его, родила и растила. Я лишь отдала сестре свою яйцеклетку, чтобы у нее появился ребенок. Но люблю его я не меньше.

— Могу я хотя бы поговорить с ним по телефону? — выпрашивать так унижительно, но они не оставляют мне выбора.

— Когда проснется, — кивает Олег.

— Я буду ждать.

На поминках мне трижды предлагают поесть. Я трижды отказываюсь. Олег закрыл ресторан целиком. В центре стола стоит фотография Веры. На ней ей двадцать, она смеется, запрокинув голову. Этот снимок сделала я.

Сажусь напротив и жду звонка. Люди подходят, говорят слова, которых я не слышу. За соседним столом Олег разговаривает с адвокатом, будто сегодня обычный день. Иногда смотрит на часы. Один раз на телефон. На меня не смотрит вовсе.

В половине шестого я не выдерживаю. Поднимаюсь и подхожу к его столу.

— Алеша проснулся?

Олег прерывает адвоката и поворачивается ко мне.

— Еще нет.

— Я хочу к нему поехать.

— Мы это уже обсуждали, — вздыхает раздраженно.

— Олег, я обещала Вере, что всегда буду рядом с ее сыном.

Он несколько секунд молчит, будто обдумывает мои слова.

— Это обещание не дает вам никаких прав, — сухо поясняет Воронцов.

— Не говорите со мной так, словно Алеша теперь ваша собственность.

Олег медленно поднимается из-за стола.

— Алеша мой сын.

— Тогда почему сегодня он с чужой женщиной, пока вы сидите в ресторане?

Его лицо становится жестким.

— Завтра в шесть, Нина, — чеканит каждое слово. — Я сообщу вам, как он себя чувствует.

— Сообщите? — шумно втягиваю воздух. — Это все, что мне теперь положено?

Он отворачивается, давая понять, что разговор окончен.

— Вы очень любили сестру, — произносит Ирина Аркадьевна.

Она стоит совсем рядом. Не знаю, как давно и сколько успела услышать.

— Горе заставляет искать виноватого.

Садится рядом, хотя я ее не приглашала.

— Вы злитесь на Олега, потому что он переживает смерть жены не так, как вам хотелось бы.

— Я злюсь, потому что он не пускает меня к крестнику, — спорю с ней.

— Он защищает сына.

— От меня?

— От всего, что причиняет новую боль. Вы похожи на Веру и постоянно будете напоминать о ней, — Ирина Аркадьевна натянуто улыбается.

— Вы хотите, чтобы он ее забыл?

На лице Ирины Аркадьевны появляется усталость.

— Я хочу, чтобы ребенок пережил случившееся без истерик, обвинений и бесконечных разговоров о смерти.

Она смотрит на мои руки. Я сжимаю салфетку так сильно, что бумага расплзается между пальцами.

— Приведите себя в порядок, Нина. Завтра увидите с племянником. Ему будет легче, если вы улыбнетесь.

— Его мать умерла, — всхлипываю невольно. — Я не собираюсь ему улыбаться.

— Тогда хотя бы не плачьте.

Она возвращается к гостям. А Вера на фотографии смеется, словно знает что-то, чего не знаю я.

Мне больше нечего здесь делать, уезжаю домой и бесцельно брожу по квартире. Олег не звонит. Ни в семь. Ни в восемь. Ни в девять.

В половине десятого я пишу сама.

Я: Я хочу знать, как Алеша.

Сообщение прочитано, но ответа нет.

Стою посреди кухни в черном платье и смотрю на экран. Несколько дней назад Вера сидела за этим столом и жаловалась, что Олег опять не отвечает на звонки. Последние месяцы она часто плакала. Я спрашивала, что происходит. Она отвечала, что устала и хочет развестись. Я верила, потому что у Веры была жизнь, которой принято завидовать.

Телефон вздрагивает от входящего сообщения.

Олег:Алеша проснулся. Поел. И опять спит. Увидитесь завтра.

Я набираю Олега. Он сбрасывает. Звоню снова телефон выключен. Мне хочется ехать к дому Воронцовых и давить на звонок, пока не откроют. Но врываться к ребенку ночью я не имею права.

Завтра в шесть, значит в шесть.

Я переодеваюсь, в зеркале вижу свои опухшие глаза и черную полосу туши на щеке.

«Приведите себя в порядок, Нина» — звучит в сознании голос Ирины Аркадьевны. Может они и правы, зачем пугать ребенка еще больше...

Телефон снова вибрирует. Новых сообщений нет. Просто напоминание о непослушанном аудио.

Наш чат с Верой. Последнее мое сообщение так и осталось без ответа:

Я:Перезвоню через пять минут.

Не перезвонила. В центре задержалась мать одного из мальчиков. Я выключила звук и отложила телефон. Когда освободилась, увидела пропущенный от Веры и голосовое сообщение. Сразу набрала ее номер. Ответил полицейский. С тех пор я так и не смогла нажать на треугольник.

Сажусь на кровать. Сообщение длится сорок семь секунд. Если включу запись, услышу живую Веру. Раздраженную, спешащую, настоящую. Нажимаю.

Сначала слышен шум дороги. Потом дыхание сестры.

— Нин, ты где?

Я зажимаю рот ладонью.

— Перезвони, как освободишься. Только не Олегу. Мне.

На заднем плане сигналит машина.

— Я, наверное, зря тебя впутываю. Просто... Если я опять начну говорить, что все нормально, не верь. Хорошо?

Пальцы холодеют. Несколько секунд Вера молчит.

А потом шепчет:

— Если со мной что-то случится, не отдавай им Алешу.

Глава 2. Олег

К десяти утра мать успевает уволить и нанять новую няню. Я узнаю об этом, когда спускаюсь на кухню и вижу незнакомую женщину в сером платье. Она раскладывает по тарелкам сырники, а мать объясняет, что Алеша не ест ничего с изюмом.

— Кто это? — выразительно смотрю на мать.

— Лариса. Педагогическое образование, прекрасные рекомендации.

— А Елена?

— Я ее отпустила, — отмахивается она. — Вчера она дала ребенку планшет перед сном.

— Потому что он плакал.

— Именно поэтому она нам не подходит.

На холодильнике уже висит расписание дня: завтрак, прогулка, занятия, обед, тихий час. Мать приехала в восемь с двумя чемоданами и сказала, что поживет у нас, пока все не устроится. Я не спросил, что именно. После ночи без сна нет сил спорить из-за няни и сырников.

— Алеша ел?

— Два кусочка яблока. Не заставляй же его.

Беру тарелку и иду наверх. Сын сидит на полу возле кровати, спиной ко мне. Перед ним выстроены машинки от маленькой к большой. Половину купила Вера. Вторую, наверное, я. Не помню. Я знаю про аллергию на мед, но не знаю, что сказать мальчику, у которого умерла мама.

— Малыш...

Он не оборачивается. Ставлю тарелку на стол и сажусь рядом.

— Поешь.

Алеша переставляет красную машинку в конец ряда. Я пытаюсь вспомнить, как с ним разговаривала Вера. Она могла сесть на пол, забрать игрушку и начать играть, пока он не включится.

Протягиваю руку к черному джипу. Леша мгновенно накрывает его ладонью.

— Не трогай, — голос сердитый.

Первые слова, которые я слышу от него со вчерашнего утра.

— Хорошо.

Убираю руку.

— Хочешь, сегодня останусь дома?

Он пожимает плечами.

— Можем куда-нибудь поехать.

— К Нине?

— Нет.

— Тогда не хочу.

Снова молчание. И я не знаю, как его преодолеть.

— Чего ты хочешь? — мягко спрашиваю у сына.

— Маму, — строго отвечает он.

— Мама умерла, Леш, — вздыхаю я. — Ты понимаешь, что это значит?

— Бабушка сказала, ее больше нет.

В переговорах всегда есть правильный ответ. Его можно найти, если понимаешь, чего хочет человек напротив. Мой сын хочет, чтобы я вернул ему мать, но это невозможно.

— Ее нет здесь, — произношу я. — Но мы можем о ней помнить.

— Я помню.

Он отворачивается, я тяжело вздыхаю и поднимаюсь. Ничего не получается.

— Поешь.

В коридоре стоит мать.

- Не нужно обсуждать с ребенком смерть.
- Он сам спросил, — растерянно смотрю на нее.
- Взрослые решают, что детям полезно знать.
- Нина сказала, что мама на небе.
- Лицо матери на секунду становится жестким.
- Сейчас речь не о Нине.

Она уходит вниз, по дороге просит Ларису забрать остывший завтрак. В этом ее талант. Она не распоряжается, а заботится. Но когда замечаешь, что в собственном доме все происходит только с ее разрешения, спорить поздно.

Так было в нашем с братом детстве. Так, видимо, будет и с Лешей.

Телефон звонит почти без перерыва. Страховая, следователь, адвокат. Документы можно подписать, деньги перевести, ошибку исправить. Веру вернуть нельзя. Поэтому я занимаюсь документами. В половине шестого мать входит в кабинет без стука.

— Нина приехала, — сообщает она.

— Она говорила, что будет в шесть, — устало сжимаю переносицу. Так и не успел подготовиться к встрече с родственницей.

— Видимо, решила, что договоренности ее не касаются, — мама кривит губы.

Голос Нины слышен еще на лестнице.

— Я не уйду, пока не увижу крестника.

— Ребенок отдыхает, — спокойно отвечает мать.

Нина стоит в холле в джинсах и светлом свитере. Волосы собраны в хвост, лицо без косметики. В руках бумажный пакет.

— Вы приехали раньше, — сухо замечаю я.

— На двадцать минут.

— Мы договаривались на шесть.

— Я боялась, что к шести Алеша снова внезапно уснет, — язвительно сообщает Нина.

— Не нужно разговаривать с Олегом в таком тоне, — вмешивается мать.

— А вам не нужно отвечать вместо него, — огрызается эта бестия.

— Нина, в этом доме вы не будете устраивать скандалы, — строго обрываю я.

— Я хочу увидеть племянника. Где он?

Подхожу к ней ближе, чтобы не перекрикиваться через весь дом.

— Сначала договоримся, — пытаюсь перейти к конструктиву. — Вы не расспрашиваете его о вчерашнем, не говорите о похоронах и не обсуждаете наши семейные дела. Если он начнет плакать, вы увидите.

Нина смотрит на меня, словно я перечислил условия посещения заключенного.

— Алеша мой племянник.

— Алеша мой сын.

— Вы повторяете это каждый раз, когда вам больше нечего сказать, — хмурится она.

— Потому что вы не понимаете разницы.

Пальцы Нины сминают пакет.

— Я все понимаю, — с вызовом смотрит в глаза. — Вы можете не пустить меня в дом и нанять десять нянь, но не сделать вид, что у Леши не было других родственников.

— Никто этого не делает.

— Тогда почему мне приходится требовать встречи с ребенком, который еще неделю назад два дня жил у меня? — вопрос попадает в чувствительную точку.

Я не знал. Жена сказала, что повезла сына к подруге за город.

— Когда?

— В прошлые выходные.

— Зачем?

— Спросите у Веры.

Тишина наступает мгновенно, Нина бледнеет.

— Простите.

Мне не нужно ее извинение. Оно ничего не меняет и не решает. Сверху доносится скрип. Алеша стоит на лестнице, обхватив перила обеими руками.

— Иди в комнату, — говорит мать. — Лариса сейчас придет.

Он не двигается.

— Алексей, ты слышал бабушку?

Утром Алеша хотя бы попросил меня не трогать машинку. С тех пор снова не произнес ни слова. Не ответил врачу, отказался гулять, не прикоснулся к обеду.

Нина замечает его и перестает спорить.

— Алешик, — зовет она нежно.

Всего одно слово, но он вздрагивает.

— Тетя Нина?

Мать замирает. Я тоже. Нина улыбается ему. Не так, будто ничего не случилось. Просто улыбается.

— Привет, мой хороший.

Алеша отпускает перила и бежит вниз. Последние ступени перепрыгивает. Нина роняет пакет, успевает подхватить его и прижимает к себе. Он вцепляется в ее шею.

Весь день я пытался добиться от сына хоть какой-то реакции. Нине понадобилось просто произнести его имя.

— Я боялся, что ты не придешь, — говорит он ей в плечо.

Она закрывает глаза и покачивает его, как маленького.

— Ну что ты, как я могу не прийти.

— Нина, — предупреждаю я.

Она смотрит на меня поверх его головы.

— Вот же я.

— Пойдем ко мне, — просит Алеша.

Он тянет ее за руку наверх. Нина поднимает пакет и вопросительно смотрит на меня.

— Пятнадцать минут, — строго говорю я.

— Двадцать.

— Пятнадцать, — настаиваю упрямо.

— Хорошо, — выдыхает Нина.

Мать ждет, пока они поднимутся.

— Это плохая идея.

— Он впервые за день заговорил, — напоминаю ей.

— Потому что она похожа на Веру. Сегодня она его успокоит. Завтра начнет решать, как воспитывать. Ты сам видишь, что Нина не признает границ.

— Она его крестная.

— Чужая родственница, Олег. Не твоя, — настаивает мама. — Не позволяй чувству вины делать ее частью нашей семьи.

Мать уходит прежде, чем я успеваю ответить. Да и нечего на самом деле.

Поднимаюсь к детской. Дверь приоткрыта. Нина сидит на полу, Алеша рядом. Между ними лежат старая книга и плюшевая ворона с одним глазом.

— Чумазик жил у нас, когда мы с мамой были маленькие, — говорит Нина. — Она оторвала ему глаз и свалила на кота.

— Мама?

— Ей было семь.

— Она обманывала? — восторженно спрашивает сын.

— Иногда, — мягко улыбается Нина. — Но потом всегда признавалась.

— А сейчас признается?

Нина застывает. Я жду слез и новых потрясений, но она отвечает спокойно:

— Сейчас уже нет. Но я могу рассказать тебе все, что помню.

Алеша кивает и придвигается ближе. Я смотрю на часы. Прошло двадцать две минуты. Можно войти и закончить встречу. Вместо этого остаюсь за дверью.

Нина не говорит, что Вера на небе. Не обещает, что боль пройдет. Она рассказывает, как та спрятала под кроватью кастрюлю манной каши, а бабушка искала ее три дня.

Алеша слушает. Потом берет холодный сырник и откусывает. Через сорок минут я все-таки вхожу.

— Пора.

Алеша прижимает ворону к груди.

— Почему? — смотрит на меня огромными глазами.

— Мы договорились, — поясняю сыну.

— Я договаривалась, — говорит Нина. — Он нет.

— Не начинайте, — давлую ее взглядом.

Нина поднимается, при Алеше не спорит, слава богу.

— Мне действительно пора, малыш

— Куда ты? — жалобно спрашивает он.

— Домой.

— Зачем? — шмыгает носом. — А как же я?

— Взрослым иногда приходится уходить, даже когда они не хотят, — она обнимает Алешу и целует в макушку.

В холле Нина надевает ветровку.

— В следующий раз звоните заранее, — предупреждаю я

— В следующий раз отвечайте на мои звонки.

— Правила установлены не для того, чтобы вам досадить.

— А я пришла не для того, чтобы их нарушить, — огрызается Нина, явно не настроенная на конструктивный диалог.

— Вы пробыли почти час, вместо пятнадцати минут.

— И мир не рухнул, — всплескивает она руками. — Алеша даже поел.

— Это не дает вам права вмешиваться в его воспитание.

— Я не собираюсь воспитывать вашего сына, Олег, — устало вздыхает Нина. — Я просто хочу оставаться его тетей.

— Пока это не вредит ему, — предупреждаю я. Эта девушка должна понимать и принимать правила, иначе диалога не получится.

— А решать будете вы?

— Да.

— Конечно, — Нина криво усмехается, а мне становится не по себе.

За ее спиной появляется Алеша. Босиком, хотя мать весь день требует носить тапочки.

— Вернись в комнату, — строго говорю я.

Он будто не слышит.

Нина открывает дверь. Алеша бросается к ней и обеими руками цепляется за ноги.

— Ты завтра придешь?

Глава 3. Нина

Вчера я пообещала Алеше, что приду сегодня. Сил нет, но обманывать малыша не хочется. С работы ухожу вовремя и в шесть без пяти уже стою перед воротами Воронцовых. Объясняю охраннику, что меня ждут.

— Простите, Нина Сергеевна, пропустить не могу.

Мы знакомы почти пять лет, но мужчина смотрит виновато и кнопку не нажимает. Меня вычеркнули из списка гостей быстрее, чем завяли цветы на могиле Веры.

— Вчера Олег сам сказал, чтобы я звонила заранее. Я позвонила.

— Мне передали другое распоряжение.

— Кто?

Охранник отводит глаза.

— Ирина Аркадьевна.

Конечно.

Олег не отвечает. Пишу: «Я у ворот. Меня не пропускают». Сообщение не доставлено.

Набираю домашний номер. Отвечает Лариса.

— Это Нина. Позовите Алешу.

После короткой паузы трубку забирают.

— Нина, сегодня встреча не состоится, — сообщает Ирина Аркадьевна.

— Почему? — ахаю я.

— Алеша после вашего ухода долго не мог успокоиться, — надменно сообщает она.

— Я обещала ему, что приду. Нельзя обманывать ребенка.

— Не стоило давать обещаний без согласования с Олегом.

— Олег слышал, — настаиваю раздраженно.

— И ничего вам не обещал.

За воротами виден верхний этаж дома. Алеша не знает, что я стою совсем рядом и снова не могу подойти.

— Дайте ему трубку. Или хотя бы скажите, что я приехала.

— Чтобы он снова расстроился? — возмущается эта мегера. — Алеша переживет одно несбывшееся обещание.

А я уже нет. Эти мерзкие людишки вынуждают меня действовать по-другому.

— Передайте Олегу, что я останусь здесь, пока он меня не выпустит.

— Как вам угодно.

Я снова подхожу к будке охраны.

— Откройте ворота, — прошу я.

— Нина Сергеевна... — вздыхает охранник.

— Я подожду на территории.

— Не положено, — качает он головой. — Не заставляйте меня вызывать старшего смены.

— Вызывайте. А я вызову полицию и попрошу зафиксировать, что меня не допускают к ребенку.

— Вы ему никто...

Удар приходится точно под ребра. Юридически он прав. Мать Алеши — Вера. Она выносила его, родила и растила. Я лишь отдала сестре свою яйцеклетку, чтобы у нее появился ребенок. Но от этого совсем не легче.

— Тогда вызывайте Олега Воронцова, — говорю громче. — Пусть сам выйдет и скажет мне это в лицо.

Охранник закрывает окошко. Я снова и снова нажимаю кнопку домофона. После седьмого вызова динамик отключается.

— Отлично! — кричу в камеру. — Я могу и до утра стоять!

Голос срывается. Это уже истерика, именно такая, в какой меня обвиняла Ирина Аркадьевна. Но уйти после вчерашнего вопроса Алеши я не могу.

— Тетя Нина!

Сначала мне кажется, будто я придумала его сама.

Поднимаю голову. В одном из окон второго этажа виднеется маленькая ладонь. Алеша прижимается к стеклу и что-то кричит. Створка закрыта, я не разбираю слов, но вижу, как он машет мне обеими руками.

— Алешик! — отхожу от ворот, чтобы он меня заметил. — Я здесь!

Он исчезает. Через несколько секунд за стеклом появляется Лариса. Она оттаскивает его от окна и задерживает штору.

— Не трогайте его! — колючу ладонью по металлу. — Вы слышите? Откройте!

Из-за забора доносится плач. Я не должна его слышать. Но слышу. Сзади сигналист машина. Черный седан стоит в нескольких шагах. Олег снова сигналист, требуя освободить проезд.

Я не двигаюсь. Олег выходит из машины и захлопывает дверь.

— Ну что здесь опять происходит? — бросает раздраженно.

— Спросите у своей матери.

— Я спрашиваю у вас.

Между нами воздух сгущается и искрит от напряжения.

— Меня не пускают к Алеше.

— Поэтому вы решили поднять на ноги весь поселок?

— Ваш сын там и он плачет.

Указываю пальцем на дом, Олег смотрит на задернутую штору.

— Каждый ваш приезд превращает мой дом в поле боя, — цедит он сквозь зубы.

— Это не я выставила охрану между ребенком и его семьей. Я приехала вовремя, — указываю на часы. — И стою здесь уже сорок минут.

— Мы не договаривались, вы просто...

Договорить не успевает, в его кармане звонит телефон. Он смотрит на экран и отвечает.

— Да.

Я не слышу слов, только высокий взволнованный голос Ларисы.

— Дайте ему воды. Я сейчас буду.

Олег убирает телефон.

— Откройте ворота, — бросает охраннику.

Створки медленно расходятся. Я делаю шаг, но Олег перегораживает дорогу.

— Вы заходите только потому, что сын вас увидел. Это не значит, что можно каждый вечер устраивать представление и получать преференции. Вам ясно? — чеканит он каждое слово, втапывая меня в грязь своими начищенными до блеска ботинками.

— Не делайте вид, будто оказываете мне одолжение, — с вызовом отвечаю я. — Алеша ждет.

Обхожу его и почти бегу к дому. Ирина Аркадьевна встречает нас в холле.

— Я ясно сказала, что сегодня встреча нежелательна, — недовольно говорит она.

— Мне ты ничего не говорила, — отвечает Олег за моей спиной.

— Ты был занят, — ее голос мгновенно смягчается. — Я приняла решение.

— В моем доме решения принимаю я.

Ирина Аркадьевна едва заметно поджимает губы.

— Разумеется. Но кто-то должен думать о состоянии ребенка, пока вы оба выясняете отношения.

— Нам нечего выяснять, — сухо бросает Олег.

Сверху раздается топот. Алеша сбегает по лестнице в одном носке. Лицо мокрое, дыхание прерывистое.

— Нина, ты пришла!

Он врзается в меня всем телом. Я приседаю и обнимаю его.

— Я же обещала.

— Бабушка сказала, тебя не будет.

Ирина Аркадьевна отворачивается.

— Я думала, так будет лучше, — надменно вздергивает подбородок.

— Кому? — спрашиваю я.

— Нина, — резко обрывает Олег. — Не при нем.

Я прикусываю язык. Алеша обнимает меня за шею.

— Я тебя увидел. А Лариса сказала, что показалось.

Закрываю глаза. Если правда взрослым не подходит, можно убедить шестилетнего ребенка, что он не видел родного человека за окном.

— Тебе не показалось.

Олег слышит и проводит ладонью по лицу.

— Полчаса, — произносит он строго. — И без новых скандалов.

— Идем, — Алеша тянет меня вверх. — Я тебе покажу.

В детской на полу лежат рисунки. На одном Алеша стоит между мамой и папой.

— Это мама, папа и я, — объясняет он. — А тебя я не успел.

— У тебя еще много бумаги.

— Садись, — командует племянник.

Он протягивает мне синий фломастер, сам берет зеленый и устраивается на ковре. Я сажусь рядом. Алеша дорисовывает мне длинные ноги, огромные глаза и волосы до самого пола.

— Я похожа?

Он склоняет голову набок.

— Немного. Только ты красивее.

— Хорошо выкрутился.

Алеша не понимает, но все равно улыбается. Потом заставляет меня нарисовать дом, машину и кошку, которой у Воронцовых никогда не было. Сам добавляет солнце, хотя за окном уже темнеет.

Первые несколько минут он говорит без остановки. Показывает новую пожарную машину, жалуется, что Лариса заставляет его есть кашу, но его тошнит, рассказывает, как сегодня искал меня в каждом окне. Потом затихает.

— Ты завтра сможешь прийти?

Фломастер замирает в моей руке.

— Я постараюсь, малыш.

— А послезавтра? — в голосе столько надежды, что сложно отказать.

— Если папа разрешит.

— Раньше ты не спрашивала, — насупливается Леша.

— Раньше все было по-другому, — горестно вздыхаю я. Все изменилось очень сильно и как теперь подстраиваться я не понимаю.

— Из-за мамы?

Я откладываю фломастер.

— Не из-за нее, — мягко треплю ее по волосам. — Просто взрослые пока не знают, как теперь будет правильно.

— А мама знала?

— Мама всегда знала, что для тебя правильно.

Он кивает, принимая этот ответ, и придвигается ближе. Несколько минут мы молча собираем развалившийся конструктор. Потом Алеша приносит книгу и просит прочитать про медвежонка. Я читаю одну главу, затем вторую, хотя все время жду, что в дверях появится Олег.

Но он не приходит.

Алеша лежит рядом, положив голову мне на колени. На несколько минут все становится почти как раньше. Будто Вера задержалась на кухне и сейчас позовет нас пить чай.

Когда я закрываю книгу, на часах уже почти восемь.

— Мне скоро уходить, малыш.

Алеша вскакивает так резко, словно только сейчас что-то вспомнил.

— Подожди! У меня для тебя есть секрет.

— Какой? — удивленно распахиваю глаза.

Он поднимается и заглядывает в коридор.

— Мама сказала отдать тебе, когда папа не увидит.

Внутри все замирает.

— Когда она сказала?

— Давно. До того, как уехала. Я вчера хотел отдать, но папа все время был рядом.

Алеша берет меня за руку и ведет в комнату Веры. Я останавливаюсь на пороге.

— Нам нельзя сюда без папы.

— Мама разрешала.

Здесь все осталось как при Вере. На туалетном столике стоят ее флаконы, на спинке кресла висит халат, из-под подушки выглядывает уголок книги. Кажется, сестра просто вышла и скоро вернется.

Алеша направляется к шкафу, раздвигает платье и опускается на колени. Заглядывает под обувную полку, хмурится.

— Здесь было.

— Что?

— Коробка.

Он выдвигает одну, потом вторую. Я опускаюсь рядом и помогаю ему. Наконец Алеша достает из самого угла небольшую коробку из-под туфель. Внутри лежит запечатанный конверт. На лицевой стороне рукой Веры написано мое имя. «Нине».

— Она сказала никому не показывать, — шепчет Алеша. — Даже папе.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Это какой-то секрет.

— Нина? — раздается голос Олега из коридора.

Я едва успеваю спрятать конверт в карман.

— Мы здесь, — отзываюсь я.

Олег появляется на пороге и хмурится.

— Кто разрешил заходить в эту комнату?

— Я хотел показать тете Нине мамины вещи, — отвечает Алеша.

Лгать он еще не умеет. Голос дрожит, глаза опускаются. Олег переводит взгляд на меня.

— Здесь ребенку пока делать нечего.

— Это мамина комната, — возражает Алеша.

На лице Олега что-то меняется, но лишь на секунду.

— Полчаса закончились.

Я смотрю на часы и обреченно киваю. В коридоре Алеша просит меня прийти завтра. Олег отвечает раньше меня:

— Мы созвонимся и договоримся.

Не со мной. Не с сыном. Сам с собой. Я целую Алешу в висок и заставляю себя уйти без нового скандала.

Только в машине достаю конверт. Несколько секунд смотрю на свое имя, прежде чем разорвать край. Внутри лежит маленький ключ с красной пластиковой биркой. На ней черным маркером написано: «17».

Под ключом карточка частного хранилища. Название, адрес, номер сектора и код доступа. Вера предусмотрела все, чтобы я смогла попасть внутрь. На обороте ее рукой написаны две строчки:

«Нина, забери все из ячейки.

Олегу пока ничего не говори».

Перечитываю записку дважды. Потом поднимаю глаза на дом, в котором остались муж и сын моей сестры. Что Вера спрятала от Олега незадолго до своей смерти?

Глава 4. Олег

На следующее утро я уезжаю до того, как просыпается Алеша. Останавливаюсь у двери детской, прислушиваюсь. Тихо. Ни плача, ни шагов. Значит, все нормально.

Лариса приготовит завтрак. Мама проследит, чтобы сын поел. Вечером придет Нина. В доме трое взрослых, способных справиться с одним шестилетним ребенком.

Я нужен в офисе.

Повторяю это, пока спускаюсь по лестнице, сажусь в машину и просматриваю пропущенные за последние дни письма. За время моего отсутствия накопились договоры, согласования, вопросы, которые почему-то никто не решает без моей подписи. На работе хотя бы понятно, что от меня требуется.

К десяти утра я почти убеждаю себя, что вернулся к нормальной жизни. Провожу совещание, дважды отправляю на доработку отчет, переношу встречу с партнерами. Сотрудники говорят тише обычного и отводят глаза. На столе стоит букет с черной лентой. Помощница предлагает убрать, но я запрещаю.

Вера умерла не потому, что я вышел на работу. И не вернется, если я останусь дома. Телефон оживает в половине двенадцатого.

Нина: Как Алеша?

Я открываю сообщение и не отвечаю. Она могла бы написать Ларисе или позвонить матери. Но обращается ко мне, будто проверяет, помню ли я о собственном сыне. Раздражает.

Набираю домашний номер.

— Сын завтракал? — спрашиваю без приветствия.

— Четыре ложки каши, — отчитывается Лариса. — Чай не пил. Сейчас сидит в детской.

— Чем занимается?

— Рисует.

— Плачет?

На том конце возникает пауза.

— Эм-м, сейчас нет.

Этого достаточно.

Я: Все в порядке.

Нина: Я могу приехать сегодня?

Несколько секунд смотрю на экран. После недавнего скандала следовало бы дать понять, что мой дом не место для ежедневных представлений. Но Алеша ждал ее еще до того, как увидел у ворот.

Я: С шести до семи.

Нина: Хорошо.

Через минуту она присылает еще одно сообщение:

Нина: Передайте, пожалуйста, охране.

Будто я могу забыть. Но все же звоню на пост и отдаю распоряжение. Затем возвращаюсь к документам. В шесть без двух телефон снова вибрирует.

Нина: Я приехала.

Не отвечаю. В семь Лариса сообщает, что Нина ушла, Алеша с ней съел половину котлеты и попросил включить свет в маминной комнате.

— Зачем?

— Не знаю, Олег Игоревич, — бормочет она. — Сказал, чтобы маме не было темно.

Я закрываю глаза.

— Не выключайте.

На следующий день все повторяется.

Нина:Сегодня можно приехать?

Я:В шесть.

Нина:До семи?

Я:Да.

На третий день Нина просит приехать раньше, потому что у нее изменилось расписание на работе. На четвертый — задерживается на десять минут и предупреждает об этом трижды.

Каждую встречу приходится согласовывать со мной, словно речь идет о посещении режимного объекта. Я сам установил этот порядок, но ее сообщения начинают раздражать сильнее. В них нет ни просьбы, ни благодарности. Только время.

И каждый вечер после ее ухода Лариса докладывает:

Алеша поел, поговорил, согласился искупаться. По всему видно, что с Ниной сын оживает.

Вчера он впервые спросил, когда снова пойдет в сад. Потом принес Нине книгу и позволил прочитать две главы. С матерью он отвечает односложно. С Ларисой почти не разговаривает. Мне по телефону говорит, что все хорошо, и первым прощается.

Но стоит приехать Нине, в доме появляется ребенок.

К концу недели я возвращаюсь раньше обычного. Не ради нее и даже не ради Алеши. Встречу отменили, а сидеть в кабинете без дела бессмысленно.

В холле непривычно тихо.

— Где все? — спрашиваю у Ларисы.

Она указывает на кухню.

— Нина Сергеевна кормит Алешу.

Я смотрю на часы. Семь. Их время закончилось.

На кухне Алеша сидит на коленях у Нины. Перед ним тарелка почти остывшего супа. Нина держит ложку, но не пытается поднести ее ко рту.

— А потом мама сказала, что это самый некрасивый торт на свете, — рассказывает она.

— Она сама его испекла? — спрашивает Алеша.

— Конечно. Поэтому мы его весь съели, чтобы никто больше не увидел.

Сын улыбается и сам берет ложку. Они не замечают меня. Нина рассказывает о каком-то Веринем дне рождения, о сгоревших коржах и креме, который пришлось соскребать со стен. Я не знаю этого, меня тогда еще не было в жизни Веры. Да и вообще никогда не было.

Алеша съедает еще одну ложку.

— Папа! — наконец замечает он меня. — Ты сегодня рано.

В его голосе столько удивления, будто я приезжаю домой раз в месяц.

— Как видишь.

Нина оборачивается. Улыбка исчезает.

— Мы заканчиваем.

— Вы должны были закончить пять минут назад, — холодно сообщаю ей.

— Он только начал есть, — Нина виновато отводит глаза.

— Лариса его докормит.

Алеша сразу кладет ложку.

— Я больше не хочу.

Нина смотрит на меня так, словно это я отобрал у него тарелку.

— Еще пять ложек, — спокойно предлагает она сыну. — И я пойду.

— Три, — фыркает Алеша.

— Четыре.

— Ладно.

Он снова принимается за суп. Я остаюсь в дверях, чувствуя себя лишним на собственной кухне.

— Сегодня он сам выбрал одежду и убрал игрушки, — сообщает Нина, не глядя на меня.
— Еще согласился завтра выйти на прогулку.

— Мне обязательно получать отчет от вас?

Теперь она поднимает глаза и смотрит укоризненно.

— Видимо, больше некому рассказать.

Ответ готов сорваться с языка, но рядом Алеша. При нем Нина особенно смелая: знает, что я не стану спорить.

Сын съедает последнюю ложку и показывает ей пустой рот.

— Все.

— Договор есть договор.

Нина вытирает ему губы салфеткой, помогает спуститься со стула. Алеша тут же хватается за ее руку.

— Ты завтра придешь? — смотрит с надеждой.

— Если папа разрешит.

Они оба смотрят на меня. Глаза одинаковые. Огромные и полные мольбы.

— Приезжайте, — произношу сухо. — В то же время.

— Спасибо.

Нина приседает перед Алешей, позволяет обнять себя, шепчет что-то на ухо. Сын кивает, а потом провожает ее до самой двери.

Возвращается уже другим. Плечи опущены, улыбки нет.

— Пойдем собирать конструктор, — предлагаю я.

— Я его уже собрал.

— Тогда почитаем?

— Нина читала.

— Можно прочитать другую книгу.

Он пожимает плечами и поднимается в детскую. Я иду следом, хотя телефон в кармане вибрирует уже второй раз.

На ковре стоит крепость из конструктора. Рядом валяются машинки, карандаши и раскрытая книга. Я беру ее.

— Где вы остановились?

Алеша показывает страницу. Я читаю несколько предложений, но телефон звонит снова. Приходится ответить. Вопрос срочный, хотя еще минуту назад о нем никто не помнил. Подхожу к окну, слушаю объяснения, даю распоряжения.

Когда заканчиваю разговор, Алеша уже лежит, отвернувшись к стене.

— Мы же хотели читать.

— Я спать хочу.

До обычного времени еще почти час. Сажусь на край кровати и кладу ладонь ему на спину.

— Алеш.

Он не отзывается.

— Ты можешь говорить со мной о маме.

— Зачем?

Простой вопрос ставит меня в тупик.

— Потому что тебе тяжело, — отвечаю осторожно.

— Тебе тоже тяжело?

— Да.

Он поворачивается. Несколько секунд разглядывает меня, будто проверяет, не обманываю ли.

— А почему ты не плачешь?

— Не все плачут одинаково.

Я убираю руку.

— Тебе с Ниной хорошо?

Алеша кивает.

— Она маму знает.

Я тоже знал Веру. Жил с ней. Просыпался в одной постели. Слышал ее голос каждое утро. Но сын произносит это так, будто только Нина сохранила право помнить. Возможно, потому что мы не были близки? Хоть и были женаты.

— Я тоже знал маму.

— Ты про нее не рассказываешь, — вздыхает горестно сын, а мне становится стыдно. Для него это важно. Пусть Вера и не была мне дорога, но для Алеши она была всем и я обязан это учитывать.

Телефон снова вибрирует. Я отключаю звук и кладу его экраном вниз.

— Что ты хочешь узнать?

Алеша думает.

— Мама знала, что умрет?

В груди становится тесно.

— Нет, — говорю уверенно. — Почему ты спрашиваешь?

— Просто.

Он отворачивается слишком быстро. Я жду продолжения, но сын натягивает одеяло до подбородка.

— Мамы больше нет. Но у тебя есть я, — глажу Алешу по волосам.

— Ты всегда на работе.

Дверь за спиной открывается. На пороге стоит мать.

— Алеше пора спать, — говорит она. — Сейчас придет Лариса и уложит его.

Я поднимаюсь и выхожу вместе с ней. В коридоре мама прикрывает дверь.

— Нам нужно серьезно поговорить.

— Не сегодня, — качаю головой. — Я очень устал.

— Именно сегодня, — требует она. — Ты сам видишь, что происходит.

— Он потерял мать. Ему нужно время.

— И взрослый, который будет рядом постоянно, — подсказывает мама, но ее фраза мне совсем не нравится. Какая-то она скользкая.

— Здесь есть Лариса. Есть ты.

— Я не могу бесконечно жить в твоём доме.

Эти слова звучат почти как угроза, но, возможно, она права.

— Возвращайся к себе, — вздыхаю я. — Я найму ещё одну няню.

— Ему не нужна ещё одна чужая женщина, — она сжимает мое предплечье. — Пусть Алеша поживёт у меня.

Я медленно поворачиваюсь к матери.

— Нет.

— Временно, Олег. Пока ты не придёшь в себя и не разберёшься с работой. У меня ему будет спокойнее, — уговаривает она. — Другой дом, никаких вещей Веры, никаких ежедневных визитов её сестры.

— Алеша останется здесь.

— С кем? — тихо спрашивает она. — Ты уезжаешь до его пробуждения и возвращаешься, когда пора укладывать. Сегодня ты побыл с сыном двадцать минут, половину из них разговаривал по телефону.

Становится больно и стыдно от осознания, что это правда.

— Я обеспечиваю его будущее, — быстро нахожу достойное оправдание.

— Ему шесть лет, — настаивает мама. — Для него будущее — это завтра утром.

— Я сказал нет.

— Тогда тебе придется решить проблему с Ниной.

— В чем проблема? — сжимаю переносицу пальцами.

Мама усмехается.

— Ты уже зависишь от нее. Мы все зависим, — она недовольно всплескивает руками.

— Без нее Алеша не ест, не разговаривает и не слушается. Еще неделя и он решит, что только она ему и нужна.

— Этого не произойдет, — решительно отрезаю я.

— Уже произошло.

Из детской доносится скрип двери. Алеша стоит на пороге, обнимая хромую ворону.

— Ты хочешь от меня избавиться?

— Нет, — отвечаю сразу.

Он смотрит на мать, потом на меня.

— Можно я поживу у Нины?

У меня немеют пальцы.

— Почему?

Алеша опускает глаза.

— Потому что у Нины есть на меня время...

А у тебя — нет.

Он не произносит последних слов вслух. Ему и не нужно. Они и так звучат у меня в голове.

Глава 5. Нина

Ирина Аркадьевна приходит в детский сад во время тихого часа. Я узнаю об этом от заведующей. Та заглядывает в кабинет и понижает голос:

— Нина Сергеевна, к вам посетительница. Говорит, по личному вопросу.

За ее спиной стоит мать Олега в светлом костюме, с безупречной укладкой и таким выражением лица, будто пришла на переговоры.

Первым делом я смотрю на телефон. Ни пропущенных, ни сообщений. Значит, с Алешей ничего не случилось.

— У меня двадцать минут до занятия, — говорю я.

— Мне хватит десяти.

Ирина Аркадьевна входит, не дожидаясь приглашения. Заведующая переводит на меня тревожный взгляд. Я киваю, показывая, что все в порядке, хотя уже понимаю: ничего хорошего этот визит не принесет.

Закрываю дверь.

— Если вы насчет сегодняшнего вечера, Олег разрешил мне приехать в шесть.

— Именно поэтому я здесь.

Она не садится. Осматривает детский стол, коробки с игрушками и недостроенную башню на ковре.

— Вы каждый день бываете у Алеши, — начинает она.

— Да.

— И не считаете это чрезмерным?

— Нет.

— Мальчик потерял мать. Ему нужно привыкнуть к новой жизни, к новому порядку. А вы ежедневно приходите и снова возвращаете его в прошлое.

— В прошлое, где у него была семья? — уточняю я. — Мы всегда были близки.

— В прошлое, которого больше нет, — отрезает она. — Вы рассказываете о Вере, приносите ее фотографии, позволяете Алеше часами говорить о ней. После ваших уходов он плачет и ждет следующего вечера.

— Он плачет не потому, что я прихожу, а потому, что мама умерла, — пытаюсь вразумить Воронцову.

— Я тоже потеряла невестку и, в отличие от вас, думаю о мальчике, — звучит, как упрек и неприятно царапает внутри.

Сжимаю пальцы, чтобы не ответить резко. За стеной спят дети. Я не могу устроить скандал на работе.

— Что именно вы от меня хотите?

— Чтобы вы перестали приезжать ежедневно. Сначала через день, затем раз в неделю. Позже, когда Алеша успокоится, можно будет решить, нужны ли эти встречи вообще.

— Решить кому? — агрессивно вздергиваю бровь.

— Его семье.

— Я тоже его семья.

— Вы сестра покойной матери, — неприятно морщится мать Олега. — Не подменяйте одно другим.

Слова попадают точно в больное место. Для всех я всего лишь тетя. В свидетельстве о рождении стоит имя Веры. Для Воронцовых меня можно вычеркнуть одним решением Олега. Но Алеша не документ.

— Я ни с кем себя не путаю, — чеканю каждое слово.

— Правда? — криво усмехается она. — Вчера мальчик попросился жить у вас, а дальше?

У меня холодеют ладони.

— С чего вы...

— Я стояла рядом. Олег не рассказал?

Нет. Утром он ответил только временем: «С шести до семи». Я решила, что все в порядке.

— Почему Алеша попросился ко мне?

— Потому что вы методично привязываете его к себе, — в ее голосе одни претензии. — Приходите с игрушками, кормите, укладываете, рассказываете о матери. Занимаете все пространство, которое освободила Вера.

Меня передергивает от ее слов.

— Оно не освободилось. Она умерла.

Ирина Аркадьевна отводит взгляд. На секунду мне кажется, что сейчас она остановится, а может и извинится. Но из сумки появляется тонкая папка.

— Олег оплачивает вашу квартиру?

— Что?

— Или она съемная? Неважно. — Мы можем помочь вам с жильем. Если удобнее получить сумму сразу, я переведу деньги на ваш счет. Достаточно, чтобы вы на несколько месяцев уехали.

— Вы предлагаете мне деньги, чтобы я исчезла из жизни Алеши? — ошарашенно уточняю я.

— Я предлагаю помощь. Вам тоже нужно пережить утрату, а не цепляться за ребенка.

— Сколько стоит забыть племянника?

— Не устраивайте дешевую драму, — морщится Ирина Аркадьевна.

— Я не уеду, ясно вам, — строго говорю я. — И от Алеши не откажусь.

— Вы здесь никто, Нина Сергеевна, — произносит она тихо. — Ни в этом доме, ни по отношению к ребенку. Олег позволяет вам приходить только потому, что сейчас это удобно. Перестанет быть удобно — охрана снова не откроет ворота.

В сумке, запертой в шкафу, лежит ключ с красной биркой. На послезавтра я записана в частное хранилище, где Вера оставила для меня ячейку. Теперь я еще сильнее боюсь того, что найду в ячейке.

— Тогда зачем вы приехали ко мне? — спрашиваю я. — Если все так легко, попросили бы сына меня не впускать. Олег вам отказал, да?

Ирина Аркадьевна медленно надевает перчатки, хотя на улице совсем не холодно.

— Я дала вам возможность уйти достойно.

— А я никуда не собираюсь, — вздергиваю подбородок и смотрю ей в глаза.

— Тогда не говорите, что вас не предупреждали.

Она забирает папку и выходит. Я раскладываю карточки к занятию, хотя буквы расплываются перед глазами. Что это сейчас такое было, а? В голове не укладывается. А до шести остается еще четыре часа.

Олег сам открывает мне дверь. Рукава его рубашки закатаны. За спиной тихо, хотя обычно племянник встречает меня в холле.

— Где Алеша? — взволнованно спрашиваю я.

— У себя. Мама сказала, вы сегодня виделись, — он сканирует меня тяжелым взглядом.

— Она предложила мне деньги, чтобы я перестала приезжать.

Олег хмурится.

— Об этом она не сказала.

— Но результат вас, похоже, устраивает.

Неужели он такой же гнилой, как и его мамаша?

— Не приписывайте мне решения моей матери. У вас час.

Отступает, пропуская меня.

— Я помню.

Поднимаюсь в детскую. Алеша сидит на ковре спиной к двери и катает машинку между ножками стула.

— Привет, малыш.

Он вскидывает голову, но не бежит ко мне.

— Ты пришла.

— Конечно. Мы же договаривались.

Сажусь рядом. Алеша позволяет себя обнять, прижимается щекой к моему плечу, а потом спрашивает:

— У тебя дома есть кровать для меня?

— Есть диван, — хмурюсь я — Но зачем тебе?

— Просто, — он неопределенно пожимает плечами.

— Алеш, посмотри на меня.

Он продолжает катать машинку.

— Папа на меня сердится, — вздыхает он обреченно.

— Почему ты так решил? — подсаживаюсь ближе и касаюсь спины ладонью.

— Потому что я хотел к тебе.

— Папа не сердится, — улыбаюсь мягко. — Он хочет, чтобы ты жил дома.

— А бабушка хочет забрать меня к себе.

— Никто тебя никуда не заберет без папы.

— Правда? — с надеждой спрашивает малыш.

— Ну, конечно.

Алеша улыбается, и мы начинаем играть. Сначала мы дурачимся, затем читаем книгу и наконец устраиваем гонки по ковру. Его красная машина в третий раз врзается в ножку стола, моя переворачивается на бок, и племянник заходится смехом.

— Я победил!

— Ты срезал дорогу, — притворно хмурюсь я.

— Гонщикам можно.

— Кто тебе сказал?

— Я сам придумал, — важно заявляет он.

— Очень удобное правило.

Алеша подползает ко мне и заговорщически шепчет:

— Давай еще раз. Только теперь ты тоже можешь срезать.

Мы снова расставляем машины у края ковра. Я так увлекаюсь, что не замечаю, как время подбирается к семи.

— Алеша.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. В дверях стоит Олег.

— Лариса ждет тебя в ванной. Иди мой руки перед ужином.

— Мы еще не закончили.

— Закончите потом.

Алеша смотрит на меня, ожидая поддержки.

— Иди, — киваю я. — Я пока подготовлю машины к следующему заезду.

— Не начинай без меня.

— Даже не подумаяю.

Он убегает. Олег провожает сына взглядом и остается в дверях.

— Алеша думает, что вы на него сердитесь, — говорю я, чтобы заполнить тишину.

— Он ошибается, — сухо бросает Олег.

— Тогда вам лучше сказать ему об этом.

— Что именно? — вскидывает бровь.

— Что он ни в чем не виноват. Что его не бросят.

Олег медленно входит в комнату.

— Вы обвиняете меня в равнодушии к собственному сыну? — его голос звучит вкрадчиво и агрессивно.

— Я говорю о том, что вижу, — небрежно ведя плечами, скидывая напряжение. — Он боится лишний раз к вам подойти, спрашивает разрешения войти и прячется, когда плачет.

— И, конечно, только вы знаете, как ему помочь, — издевательски хмыкает он.

— Я хотя бы пытаюсь его услышать.

— А я, по-вашему, чем занимаюсь?

Он наступает так, что мне невольно приходится отступить.

— Работаете. Отдаете распоряжения, — всплескиваю руками слишком эмоционально. — Решаете, когда мне приходиться и когда уходить.

Взгляд Олега вспыхивает.

— Потому что, когда вы уходите, сын потом два часа плачет. Вы возвращаете ему прежнюю жизнь на один час, Нина. А потом мне приходится объяснять, почему Вера не вернется, а вы снова уходите.

Слова бьют наотмашь, больно цепляя что-то внутри.

— Не смейте обвинять меня в его слезах.

— А кого мне обвинять? Вы приходите каждый вечер, играете с ним, читаете ему, утешаете. Делаете все, чтобы он без вас уже не мог.

— Я люблю его! — возражаю упрямо.

— Любите? Тогда почему не понимаете, что каждый ваш уход для него — еще одна потеря?

— Значит, разрешите мне быть с ним дольше, — прошу я.

— Нет, — Олег категоричен.

— Конечно, — горько усмехаюсь я. — Гораздо проще отнять у него еще одного близкого человека, а потом объяснить, что так будет лучше.

— Вы ему не мать, — холодно замечает он.

— Я знаю.

— Тогда перестаньте занимать место Веры.

Слова обжигают, в груди вспыхивает опасное пламя.

— Я не занимаю ничье место, — смотрю на Олега с вызовом. — И буду рядом с Алешей столько, сколько ему это нужно.

— Это буду решать я.

— Потому что вы его отец? — злюсь я.

— Я его отец. А вы всего лишь тетя.

— И должна любить его строго с шести до семи?

Олег подходит ближе. Между нами остается один шаг, но никто из нас не отступает.

— Вы слишком удобно устроились, Нина. Для Алеши вы добрая, веселая, все разрешающая, а мне остаются его истерики, бессонные ночи и вопросы, на которые нет ответа.

— Вы рядом с ним каждую ночь, а он все равно боится к вам подойти.

— Не учите меня любить собственного сына, — цедит Олег сквозь зубы.

— Тогда не мешайте любить его мне.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. В его глазах столько злости и боли, что у меня сбивается дыхание.

— Теперь я понимаю, почему Вера была с вами несчастна.

Лицо Олега будто застывает.

— Вера была со мной вполне счастлива, пока ее устраивали мои деньги.

— Не смейте так говорить о ней!

— Достаточно.

Он отступает и распахивает дверь.

— Встреча закончена. И завтра не приезжайте.

— Вы невыносимы, — устало выдыхаю я.

Слова срываются раньше, чем я успеваю их остановить. Глаза Олега темнеют. Я жду гневной отповеди, но за дверью раздается всхлип. Алеша стоит на пороге босой, с мокрыми руками. Смотрит на отца, потом на меня.

— Малыш...

Я делаю шаг, но он отступает.

— Ты тоже меня бросаешь? — спрашивает он.

Глава 6. Олег

Алеша стоит в коридоре босой, с мокрыми руками, и смотрит на Нину так, словно от ее ответа зависит вся его жизнь.

— Ты тоже меня бросаешь? — повторяет он.

— Конечно нет, малыш.

Нина делает шаг, но сын отступает.

— Тогда ты завтра придешь?

Она смотрит на меня. В ее глазах только вызов.

— Завтра Нина не придет, — отвечаю за нее. — Мы проведем вечер вдвоем.

— Ты не уедешь на работу? — с надеждой спрашивает сын.

— Уеду. Но в шесть буду дома.

Алеша молчит, будто решает, можно ли мне верить.

— Точно? — прищуривается он совсем как взрослый.

Простой вопрос неприятно царапает изнутри.

— Точно.

— И мы поиграем в гонки?

— Поиграем.

Нина присаживается перед ним на корточки.

— А я приду послезавтра. Расскажешь мне, кто победил.

— Я, — уверенно заявляет Алеша.

Он обнимает ее и долго не отпускает. Не понимаю, почему рядом с Ниной Алеша просит о том, чего хочет, а рядом со мной сначала спрашивает, можно ли. Может я что-то делаю не так? Но что?

— Не опоздайте, Олег, — тихо говорит Нина у двери.

— Я не нуждаюсь в напоминаниях, — огрызаюсь по привычке.

— Надеюсь.

Меня раздражает эта женщина. Всегда раздражала, но раньше мы виделись редко, а теперь встречаемся ежедневно. И все это время я не могу не замечать очевидного: Нина привлекательна. Не той холодной, безупречной красотой, которая досталась сестре. Она живая. Темные ресницы, упрямый подбородок, мягкие губы, которые тут же поджимаются, стоит ей посмотреть на меня. Больше всего бесит то, что я замечаю то, что не имеет ко мне никакого отношения.

Утром Алеша сам спускается к завтраку. Когда я собираюсь, бежит следом в холл.

— Красная машина твоя. Она все время проигрывает.

На его лице появляется слабая улыбка.

— Значит, мне придется постараться.

— Ты только приезжай.

Я кладу ладонь ему на голову.

— В шесть буду дома.

В офисе все идет по плану до половины пятого. Я уже надеваю пиджак, когда звонит финансовый директор.

— Олег Игоревич, банк приостановил платеж. Если сегодня не подпишем дополнительные гарантии, контрагенты выходят из сделки.

В половине шестого передо мной лежат три варианта соглашения, и ни один нельзя подписывать.

Телефон вибрирует.

«Алеша ждет вас в столовой. Ужин подавать к шести?»

Печатаю Ларисе:

«К семи. Скажите, что я задерживаюсь».

Палец зависает над экраном. Я обещал не ей. Можно позвонить сыну самому, но юристы спорят, контрагенты ждут ответа.

Алеше шесть лет. Он все равно не поймет. Отправляю сообщение.

В семь пятнадцать звоню домой сам и прошу его к телефону.

— Ты говорил в шесть, — произносит сын вместо приветствия.

— Знаю. Возникло срочное дело.

— У тебя всегда дело, — расстроено отзывается он.

— Я скоро буду. Иди ужинать.

— Я не хочу ужинать. Я тебя жду.

В трубке раздаются гудки. Домой я приезжаю после девяти. На банкетке лежит пальто матери.

— Где Алеша? — спрашиваю вышедшую навстречу Ларису.

— В гостиной. Он начал кричать, и я позвонила Ирине Аркадьевне. Простите, я не знала, что делать.

Из комнаты доносится резкое:

— Не трогай!

Алеша сидит на полу среди разбросанных машинок и деталей трассы. Лицо красное, мокрое от слез. Мать стоит рядом, сложив руки на груди.

Сын поворачивается. В его глазах на миг появляется облегчение и тут же гаснет.

— Гонки закончились, — говорит он и бьет пятками по полу.

— Алеша...

— Ты обещал! — кричит он, хватая красную машинку и швыряет в стену.

— Не смей бросать игрушки, — хмурюсь я. — Может отлететь.

— Ты все равно не пришел! Не пришел!

— У меня были важные дела, — строго говорю я, но становится только хуже.

— А я не важный?

В комнате становится тихо.

— Ты важный, — выдыхаю я и иду к сыну.

— Нет! — истошно кричит он и сметает детали трассы со стола, а потом бьет меня кулаками по ноге.

— Ты сказал, что Нина не придет! Сказал, что сам придешь!

Удары почти не чувствуются, но каждый попадает туда, куда вчера били ее слова.

— Алешенька, прекрати.

— Позови Нину! — требует он.

— Сейчас поздно.

— Я хочу Нину!

Сын захлебывается криком, судорожно втягивает воздух. Я опускаюсь перед ним на корточки, но Алеша шарахается и прижимается к дивану.

— Не подходи!

Мать достает телефон и набирает номер.

— Кому ты звонишь? — возмущенно смотрю на нее.

— Той, кто сможет его успокоить.

— Я запретил приезжать.

— Будем смотреть, как ребенок задыхается?

Через минуту она произносит в трубку:

— Нина Сергеевна, приезжайте. Алеша не может успокоиться.

Нина приезжает через двадцать минут. Вбегает в гостиную в расстегнутой куртке, на меня даже не смотрит.

— Алешка.

Сын поднимает голову.

— Ты пришла? — судорожно втягивает воздух.

— Пришла.

Она садится на ковер в нескольких шагах, не тянется к нему. Алеша сам бросается в ее объятия.

— Я ждал, — всхлипывает он. — Все поставил. И машинку ему выбрал. А он не пришел.

— Ты расстроился, — комментирует Нина и гладит его по спине.

— Он обещал. И не сдержал, — жалуется Алеша, разрезая меня без ножа.

Нина поднимает на меня глаза. В них нет торжества, только немой укор. От этого только хуже.

— Да, — говорит она. — Обещал. Но так бывает...

— Я плохой? — Алеша отстраняется и смотрит Нине в глаза.

— Почему ты так решил? — она гладит его по щекам, вытирая соленые слезы.

— Потому что я ему не нужен.

— Нет, малыш. Ты не плохой, — Нина снова прижимает его к себе и покачивает.

— Тогда почему папа не пришел?

Она молчит, оставляя ответ мне.

— Я очень хотел, но не смог, — говорю я тихо. — Срочное дело... Работа.

— Работа важнее меня? — он оборачивается и во взгляде я читаю все, что буквально выворачивает меня мясом наружу.

— Нет, — качаю головой. — Ты важный. Самый важный.

— Тогда почему ты был там, а я здесь?

Ответа, который поймет шестилетний ребенок, у меня нет.

Нина кладет его ладонь себе на грудь и учит дышать вместе с ней. Алеша сбивается, но понемногу затихает.

— Я хочу спать, — бормочет он и зевает.

— Пойдем, я провожу.

— Ты не уйдешь? — испуганно спрашивает он.

— Посижу рядом, пока не уснешь.

Она поднимает его на руки. Сын отворачивается от меня и крепче прижимается к ней.

Нина проходит совсем близко. От нее пахнет холодным воздухом и чем-то теплым, едва уловимым. Прядь волос цепляется за ее губы, и она нетерпеливо сдувает ее, не замечая моего взгляда.

А я замечаю слишком многое: тонкую шею над воротом свитера, покрасневшие щеки, то, как крепко она держит моего сына. Снова вижу не сестру Веры, которая учит меня жить, а просто женщину. Молодую и красивую. И мгновенно отвожу глаза.

Нина поднимается наверх, а я остаюсь среди разбросанных игрушек и укоризненных вздохов матери.

Когда Нина возвращается, я снова невольно задерживаю взгляд и злюсь, но прежде всего на себя.

— Алеша уснул? — спрашиваю я.

— Да.

Мать поднимает с пола треснувшую красную машину.

— Теперь ты видишь, до чего дошла эта привязанность? — будто специально ждала подходящего момента. — Стоило Нине не приехать один вечер, и у ребенка истерика.

— Он ждал не меня, — отрезает Нина. — Он ждал отца.

— Я задержался по работе, — зачем-то оправдываюсь я.

— Для вас это причина. Для Алеши обещание, которое взрослый не сдержал.

— Вы понятия не имеете, что произошло в офисе.

— А ему все равно. Ему пять лет. Сегодня папа пообещал приехать и не приехал.

— Я обеспечиваю его. Дом, врачей, все, что ему понадобится.

— Ему понадобился отец, а обеспечить вы не смогли, — парирует она и подходит ближе.

Я вижу темные ресницы, упрямо поднятый подбородок и тот самый рот, за которым зачем-то следил минуту назад. Это раздражает еще сильнее.

— Он должен понимать, что у меня есть обязанности.

— А вы должны понимать, что он не дела, которые можно не сделать, — пожимает она плечами.

— Следите за словами.

— Или снова запретите приезжать? Вчера вы обвинили меня в том, что после моих уходов Алеша плачет. Сегодня сами заставили его рыдать до ночи.

— Я не мог бросить все.

— Вот именно, — хмыкает она. — Вы никогда не можете бросить все ради него. Только Алеша должен бросать тех, кого любит, когда вам так удобнее.

— Достаточно, — строго перебиваю ее и стискиваю зубы, но ответить не успеваю.

— Поэтому я снова предлагаю забрать Алешу к себе, — произносит мать. — Хотя бы на несколько дней.

— А у вас он перестанет ждать отца? — с вызовом спрашивает Нина.

— В моем доме у него будет режим и специалист, который поможет пережить утрату, — вздергивает подбородок мама. — Я могу забрать его утром. Тебе нужно привести дела в порядок.

Обычно я отвечаю сразу. Нет. Мой сын останется дома. Но сегодня Алеша уснул только потому, что Нина приехала среди ночи и сумела сделать то, с чем не справились ни я, ни Лариса, ни мать. Завтра я снова могу опоздать. Послезавтра — тоже.

Нина смотрит на меня, и в ее глазах появляется страх.

— Олег...

— Я подумую.

Глава 7. Нина

В частное хранилище я приезжаю к открытию. Ночью я спала часа два. Сначала перед глазами стоял плачущий Алеша, потом лицо Олега, когда он произнес свое страшное:

«Я подумаю».

Будто речь шла не о ребенке, который боится бабушку, а об очередном деловом предложении.

Ключ с красной биркой лежит во внутреннем кармане сумки. Я проверяю его трижды, пока оформляю доступ, оставляю телефон в ячейке для хранения и прохожу за сотрудником по длинному коридору.

— Семнадцатая, — говорит мужчина, останавливаясь возле металлической двери. — Открываете своим ключом. Когда закончите, нажмите кнопку.

Он уходит. Я вставляю ключ в замок. Поворачивается тяжело, с сухим щелчком. Внутри лежит один плотный пакет. На нем мое имя, написанное рукой Веры.

«Нине. Лично».

Пальцы мгновенно холодеют.

— Что ты натворила, Вер?

Я вытаскиваю пакет. Он тяжелый. Под бумагой прощупывается папка и что-то маленькое, прямоугольное. Флешка или карта памяти.

Клапан запечатан, а поверх него сестра написала еще два слова:

«Не здесь».

И дату. За три недели до собственной смерти.

Мне хочется разорвать пакет прямо сейчас, но, если Вера отдельно предупредила не делать этого в хранилище, значит, у нее была причина.

Я убираю находку в сумку и нажимаю кнопку вызова. Из хранилища я еду домой. Пакет лежит на соседнем сиденье. На каждом светофоре я смотрю на свое имя, написанное рукой Веры, и снова вижу два слова:

«Не здесь».

Будто сестра знала, что мне захочется вскрыть пакет сразу.

Дома я запираю дверь и сажусь за кухонный стол. Поддеваю край бумаги ножом. Внутри оказывается синяя папка, маленькая флешка и сложенный вдвое лист. Начинаю с записки.

«Нинка, если ты это читаешь, значит, я так и не решилась поговорить с тобой. Или не успела».

«Я знаю, что не имела права снова просить тебя о помощи. Но речь об Алеше. Если со мной что-то случится, не позволяй Ирине Аркадьевне забрать его. Олег не понимает, что она делает. Он всегда думает, что мама желает ему добра».

Я перечитываю эти слова дважды.

Вера оставила пакет за три недели до смерти. Значит, боялась не после аварии, не в последние минуты. Она жила с этим страхом.

«В папке то, что принадлежит тебе. На флешке остальное. Пароль ты знаешь. Прости меня».

Подписи нет. Я открываю папку и сразу узнаю название клиники. Договор о донорстве яйцеклеток. Согласия. Копии документов, которые я подписывала семь лет назад, убеждая себя, что отдаю Вере несколько клеток, а не часть собственной жизни.

Последним лежит результат генетического исследования. Мое имя. Имя Алеши. Вероятность биологического родства. Я закрываю папку. Для закона матерью Алеши была Вера. Для него она навсегда останется мамой. Я не пыталась занять ее место. Но зачем сестра сделала тест и спрятала документы от мужа?

Беру флешку. На ней всего один архив, защищенный паролем.

Пробую день рождения Алеси и дату переноса эмбриона. Оба раза — ошибка. После второй попытки появляется предупреждение. Пароль я якобы знаю. Только Вера решила, что мне достаточно половины фразы, чтобы понять остальное. Но она ошиблась. Я не понимаю.

Мне хочется немедленно поехать к Алеше и убедиться, что Олег не изменил ночного решения. Но после вчерашней ссоры я не могу просто явиться к воротам.

Набираю его номер.

— Слушаю.

— Добрый день. Я могу сегодня приехать к Алеше?

На том конце ненадолго становится тихо.

— Можете. После четырех.

— В четыре буду.

— Нина, только без новых переживаний. Ребенку нужен спокойный день.

Я смотрю на записку Веры.

— Именно этого я и хочу.

К дому Воронцовых я подъезжаю без пяти четыре. Алеша встречает меня в игровой. Он одет, причесан и увлеченно строит гараж. Никакой истерики. Увидев меня, улыбается и бросается обнимать.

— Ты пришла.

Он берет меня за руку и тянет к машинам. Я сажусь на ковер рядом.

— Красную починили?

— Папа склеил. Только колесо теперь плохо крутится.

Олег стоит в дверях без пиджака, с закатанными рукавами. Усталый, небритый и все равно слишком привлекательный для человека, который так легко выводит меня из себя.

Я отвожу взгляд первой.

— В семь поужинаем вместе. До этого мне нужно поработать, — говорит он сыну.

— Точно?

— Точно.

Алеша кивает, но я замечаю, как он следит за отцом, пока тот не скрывается в коридоре. После вчерашнего Алеше важно понимать, что будет дальше и кто действительно придет.

— Давай составим план дня на завтра, — предлагаю я.

— Как в садике?

— Почти. Только твой личный.

Мы делим лист на квадраты. Алеша рисует завтрак, прогулку, тихий час. Возле ужина появляется красная машина.

— Это папа, — объясняет он. — Он приедет в семь.

— Хорошо. Если папе придется задержаться, он обязательно предупредит. Давай потом сами его об этом попросим.

— Не нужно превращать каждый наш шаг в расписание, — раздается от двери.

Ирина Аркадьевна входит в игровую и останавливается над листом.

— Это не каждый шаг, а несколько понятных точек в течение дня.

— В этом доме всегда был режим, — снисходительно смотрит она.

— Тогда рисунок ему не мешает.

Переводит взгляд на внука.

— Алеша, Лариса приготовила полдник. Иди в столовую.

Он складывает карандаши и послушно выходит. Я хочу пойти следом, но Ирина Аркадьевна остается на месте.

— Вы ведете себя так, словно без вас здесь никто не способен позаботиться о ребенке, — говорит она ровно. — Я вырастила троих сыновей, Нина Сергеевна. Без картинок и консультаций детского психолога. Все трое получили образование и стали достойными людьми.

— Я не собираюсь с вами спорить.

Забираю лист и иду к Алеше. За полдником он сначала рассказывает о машинках, потом замолкает и крошит печенье.

— Можно спросить? — наконец произносит он.

— Конечно.

— Ты мамина семья?

— Да. Мы с твоей мамой сестры.

— А папина?

Я осторожно ставлю чашку.

— Вера была папиной женой, — говорю осторожно. — Значит, мы тоже родственники.

— Но не настоящие.

— Почему ты так решил?

Алеша пожимает плечами.

— Бабушка сказала, теперь мне надо быть с папиной семьей. А если я все время выбираю тебя, папе обидно.

— Ты никого не выбираешь, малыш.

— Выбираю, — вздыхает он. — Когда плакал, позвал тебя. Хороший сын позвал бы папу. Фраза слишком взрослая и слишком жестокая для ребенка.

— Посмотри на меня, — накрываю его ладошку своей. — Ты позвал того, с кем тебе было легче. От этого ты не стал плохим сыном и папу не предал.

— А бабушка говорит, я должен привыкать без тебя.

— Ты можешь любить и папу, и меня, — нахожу для него улыбку. — Одно другому не мешает.

— Точно?

— Точно.

В дверях появляется Ирина Аркадьевна.

— О чем вы говорите?

— О том, почему шестилетний ребенок считает себя плохим сыном.

Она смотрит на Алешу.

— Дорогой, беги в игровую, — ее улыбка холодная.

Мальчик соскальзывает со стула. Проходя мимо меня, на секунду прижимается к моему боку, а потом убегает.

— Зачем вы сказали ему, что он обижает папу? — устало спрашиваю я. Доказать что-то нереально, но хотя бы вразумительный ответ можно получить?

— Я объяснила внуку, что сейчас он должен быть ближе к семье отца, — Ирина Аркадьевна недовольно поджимает губы. — Не смейте обвинять меня в манипуляциях.

— Вы внушаете ребенку, что хорошим сыном он станет, только если откажется от близкого человека. Это и есть манипуляция.

— Что здесь происходит? — спрашивает вошедший Олег.

Я не слышала, как он вернулся, а вот его мать, кажется, для него спектакль и устроила.

— Твоя гостья снова учит меня обращаться с внуком, — отвечает Ирина Аркадьевна.

Олег вопросительно смотрит на меня, а я снова чувствую себя виноватой и должной оправдываться. Я шумно втягиваю воздух и повторяю, как попугай.

— Алеша переживает, что любовь ко мне — предательство отца.

— Я не говорила о предательстве, — холодно возражает она. — Я сказала, что хороший сын должен думать о чувствах папы.

— Вот он и решил, что плохой, — пытаюсь донести до Олега. Неужели не понимает, что, если не изменит своего отношения, может потерять сына.

— Нин, ну хватит уже. — Олег проводит ладонью по лицу. — Мама хочет помочь ему пережить утрату.

— Заставляя отказаться от меня? — смотрю в глаза мужу сестры и по коже ползут мурашка.

— Никто не заставляет его от вас отказываться, — устало отвечает Олег подходит ближе.

Мне приходится поднять голову. Я собираюсь ответить резко, но на секунду сбиваюсь, заметив, как внимательно он смотрит на мое лицо.

— Вы обещали спокойный день, — тихо говорит он, не моргая.

— Я ничего не говорила, пока Алеша не спросил, настоящая ли я ему семья.

На секунду мне хочется достать записку Веры. Показать Олегу строки о его матери, папку с документами, результат теста. Рассказать, что Алеша связан со мной не только памятью о Вере. Но кровное родство еще не делает меня его матерью и не дает права забирать чужого сына. Да и я пока не знаю, зачем сестра спрятала все это и что находится на флешке. Отдать ему единственное предупреждение Веры, прежде чем разберусь, слишком опрометчиво.

— Мама отложила свои дела, потому что нам нужна помощь, — говорит Олег. — Я знаю ее всю жизнь и не позволю обвинять в том, что она намеренно вредит ребенку.

— А я знаю Алешу всю его жизнь, — парирую я. — И вижу, что после ее помощи становится только хуже.

— Вы преувеличиваете.

— Потому что вам так проще? — вопросительно изгибаю бровь.

— Нина, — в его голосе слышится предупреждение.

— Вера тоже считала, что вы не замечаете очевидного, — достаю припрятанный козырь. Олег резко меняется в лице.

— Не прикрывайтесь моей женой.

— Я не прикрываюсь, просто...

— Просто, что? — он внимательно скользит взглядом по моему лицу и словно читает мысли.

А меня мучает главный вопрос, почему Вера оставила флешку не мужу, а мне. Зачем эта папка с анализом ДНК? Явно же, чтобы у меня были реальные средства в борьбе за Алешу. Но с кем? С Олегом?

— Ничего, — выдавливаю из себя. — Раз вы уже освободились, я, пожалуй, пойду.

Олег идет за мной в холл. Я надеваю ветровку, не глядя на него.

— Я не запрещаю вам видеться с Алешей, — произносит он спокойнее. — Но не нужно приходить в мой дом и нападать на мою мать.

— А она может делать так, чтобы ваш сын чувствовал себя предателем? — спрашиваю в лоб и смотрю при этом в глаза.

— Она не это имела в виду, — Олег, конечно, защищает ее. Да и могло ли быть иначе? Вряд ли, у него же хорошее воспитание. И Ирина Аркадьевна об этом знает лучше, чем кто-либо.

— Вы всегда объясняете, что имела в виду ваша мать, — забираю свою сумку. — Почему ни разу не попытались понять, что именно услышал Алеша?

Олег молчит и смотрит на меня, взгляд его тяжелый, как многотонная плита. Я открываю дверь, но на пороге оборачиваюсь.

— Однажды вы увидите правду, Олег. Только боюсь, что будет слишком поздно.

Глава 8. Олег

О командировке я узнаю в полдень.

— В Казани встал объект, — сообщает Андрей, мой заместитель. — Подрядчик срывает сроки, инвестор грозит выйти из проекта.

— Собери видеоконференцию, — сжимаю переносицу пальцами. Все сваливается в одну кучу, как специально.

— Уже. Они отказываются говорить без тебя. Там надо быть лично.

— Когда?

— Завтра в одиннадцать, — он смотрит в планшет. — Вылет в девять тридцать. Если все пойдет нормально, в пятницу вечером вернешься.

Три ночи. Первые девять дней без Веры я почти не выпадал из работы. Даже в день похорон вечером открыл ноутбук и ответил на почту.

В офисе все понятно. Есть сроки, цифры и люди, которые выполняют мои решения. Дома сын, с которым никак не удастся найти общий язык. Поэтому я каждый день приезжаю первым и уезжаю последним. Работа не требует, чтобы я умел быть отцом.

На экране телефона два пропущенных от Ларисы и сообщение:

«Алеша спрашивает, будете ли вы к ужину».

Я печатаю:

«Буду» — и стираю. До семи еще шесть часов. Обещание сейчас ничего не стоит. Оно станет важным, когда мне нужно будет встать из-за стола и уехать.

«Постараюсь», — отвечаю я.

— Пока не бери билет, — говорю Андрею. — Дай мне время до вечера.

До конца дня я пытаюсь перенести встречу или провести ее в Москве. Ответ не меняется: завтра, в Казани. А передо мной два варианта, из которых нужно выбрать.

Первый вариант — отказаться от поездки. Второй — оставить сына с Ларисой. Она знает Алешу с рождения, но оставить шестилетнего ребенка только с домработницей я не могу.

Есть еще Нина. Я нахожу ее имя в телефоне. Последние дни она приезжает после работы. Мы почти не спорим. Нина занимается с Алешей, а я возвращаюсь, когда он уже спит.

Нина может остаться с ним. Но тогда мне придется ее просить. И признать, что без нее я не справляюсь с собственным сыном. Я гашу экран.

Домой приезжаю около восьми. Алеша уже поужинал. Он сидит на ковре в игровой. На листе рядом с ним нарисована моя машина.

— Ты опять опоздал, — говорит сын.

— Опоздал. Прости.

— Нина говорила, ты позвонишь, если не успеешь.

Я не позвонил.

— Мы ждали до семи, — добавляет он. — Потом бабушка сказала, что ты опять не придешь.

Мне нечего ответить. Я сажусь рядом, беру красную машину и прокатываю по коврику. Алеша смотрит на мою руку, будто я делаю что-то непонятное.

Я не знаю, как играть с собственным сыном. Я, как оказалось, ничего не знаю.

Сегодня Нина не приезжала. Мама настояла, чтобы визиты были через день. Алеше нельзя привыкать, что тетя приедет по первому зову. Я согласился. Зачем? Сам не знаю. Сейчас решение не кажется правильным.

Мама ждет меня в гостиной. Перед ней остывает чай.

— Мне пора домой, — говорит она. — Я тебя предупреждала.

— Мне нужно завтра улететь, — говорю я, садясь напротив. — Вернусь в пятницу.

— Я не могу остаться здесь, Олег, — мама складывает руки на груди. — У меня завтра заседание фонда, потом прием. Я и так отменила все, что могла.

— Значит, я никуда не полечу, — устало растираю лицо ладонями.

— И потеряешь объект?

— Возможно.

Я произношу это спокойно, хотя прекрасно понимаю, во что обойдется отказ.

— Давай я заберу Алешу к себе, — предлагает мама снова, хотя мы закрыли эту тему.

— На три дня? — устало усмехаюсь.

— Столько, сколько понадобится.

— Мне понадобятся три дня.

— Ты опять пытаешься решить проблему только на ближайшие три дня, а я думаю о том, что будет дальше, — качает она головой. — Ты уходишь до того, как сын просыпается, и возвращаешься, когда он уже лег. Это не стабильность, Олег.

— У меня работа.

— И хорошо. Ты отлично с ней справляешься, — мама подходит ближе и, как в детстве, гладит меня по волосам. — В моем доме у Алеши будет режим, своя комната, няня. Я вырастила троих сыновей и прекрасно знаю, что нужно ребенку.

— Я могу попросить Нину.

— И позволить ей окончательно занять твоё место?

— О чем ты? — отстраняюсь и смотрю на мать.

— Алеша уже зовет ее вместо тебя. Нина критикует каждое твоё решение. А ты сам отдашь ей сына и уедешь.

Я молчу. Нина не настраивает Алешу против меня. Но он действительно зовет ее. И с ней ему легче, чем со мной.

— Завтра попрошу переставить в гостевой комнате мебель, — продолжает мама. — Поставим кровать у окна.

— Зачем переставлять мебель ради трех ночей? — хмурюсь я.

— Он мой внук, Олег. Ему еще не раз придется оставаться у меня.

Звучит разумно. Но мама уже обустраивает не гостевую комнату. Она готовит место, в котором мой сын останется надолго и мне это совсем не нравится.

— В пятницу я заберу его домой.

— Конечно, сын.

Она отвечает слишком быстро. Я слышу, что мама говорит уже не о трех днях. Другой выход есть — позвонить Нине. Но под взглядом матери это кажется признанием собственного поражения.

— Хорошо. Ты заберешь Алешу завтра утром. Только на время командировки, — проговариваю еще раз то, о чем мы договариваемся.

— Разумеется.

Мама улыбается так, словно я согласился совсем не на это, но с этим разбираться буду позже. А пока пишу Андрею:

«Бери билет».

— Сама Алеше не говори, — предупреждаю я. — Я объясню.

Мама кивает и поднимается вверх. В эту же минуту звонит Андрей. Мы двадцать минут обсуждаем завтрашнюю встречу.

Когда я заканчиваю разговор с Андреем и поднимаюсь вверх, мама уже достает из шкафа спортивную сумку Алеши.

— Зачем сейчас?

— Чтобы утром не суетиться.

Она складывает несколько футболок, белье, спортивный костюм и две пижамы.

— Он едет всего на три дня, — вопросительно изгибаю бровь.

— Я помню.

Вещей все равно слишком много, но спорить из-за этого не хочется.

Алешу нахожу в игровой. Он сидит на ковре и катает машинки. Сажусь напротив.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

Алеша сразу перестает играть.

— Ты опять уедешь? — вздыхает огорченно.

— Завтра утром. Вернусь в пятницу.

— А я с Ларисой останусь?

— Нет. Бабушка заберет тебя к себе.

Пальцы Алеши сжимаются на машинке.

— Я не хочу.

— Всего на три дня.

— Можно я останусь с Ниной? — во взгляде столько надежды, что на секунду я готов согласиться, но вспоминаю слова матери.

— Нет, Алеша.

— Почему?

— Потому что у Нины свои дела и работа, а у бабушки тебе будет лучше. Там есть няня, своя комната и все необходимое.

— Но я не хочу, — шмыгает носом сын.

— Все будет хорошо, — выдавливаю из себя улыбку. — Я заберу тебя в пятницу.

Он не спорит, но смотрит на меня так, будто уже не верит обещаниям. И я сам в этом виноват.

— Мне нужно подготовиться к поездке, — говорю я, поднимаясь. — Бабушка сегодня тебя уложит.

Алеша опускает голову и снова начинает катать машину. Я собираю чемодан, а потом ухожу в кабинет. Просматриваю договоры, отвечаю на письма, изучаю отчеты по объекту. Работа привычно вытесняет все остальное.

Около десяти мама заглядывает в кабинет.

— Алеша уснул. Я поехала. Утром буду к восьми.

Я киваю, не отрываясь от документов. Когда закрываю ноутбук, на часах уже два. В доме тихо. Мама давно уехала, Лариса спит.

Я тоже собираюсь лечь, но вспоминаю лицо Алеши, когда сказал ему о поездке. Нужно хотя бы поцеловать сына на ночь.

Поднимаюсь на второй этаж. Дверь детской приоткрыта, хотя обычно Лариса закрывает ее.

— Алеша? — тихо зову я.

Ответа нет. Вхожу в комнату. Ночник горит. Книга лежит на полу. Одеяло отброшено в сторону. Кровать пуста. Я останавливаюсь на пороге, еще не понимая, что происходит.

Подхожу ближе. Трогаю подушку, убираю одеяло в сторону, будто сын может оказаться под ним.

— Алеша?

Тишина. Заглядываю под кровать. Проверяю ванную. Никого. На часах два часа ночи. А моего шестилетнего сына нет в комнате.

Глава 9. Олег

Сына нет ни в игровой, ни в ванной.

Я сбегая на первый этаж, дергаю дверь в сад. Заперта. Окна в гостиной закрыты. Охрана не звонила. Алеша не мог выйти из дома. Значит, он где-то здесь.

— Алеша! — зову я, поднимаясь обратно.

Тишина. Я снова проверяю детскую, заглядываю за шторы, зачем-то открываю шкаф с игрушками. Сердце бьется так сильно, что каждый удар отдается в висках.

Шесть лет. Ему всего шесть лет, а я понятия не имею, где он. Вхожу в комнату Веры и останавливаюсь. Дверь в гардеробную приоткрыта. Я не заходил туда. Мама предлагала убрать вещи, но я запретил кому-либо трогать вещи Веры, пока для сына это важно.

Из-за двери доносится шорох.

— Алеша, ты там?

Ответа нет, но я слышу частое дыхание. В гардеробной темно. Включаю свет и замечаю слабое свечение между дверцами шкафа.

Телефон Веры. Тот самый, который лежал в тумбочке у кровати.

— Тетя Нина...

В голосе сына столько страха, что я замираю. Он звонит Нине, ну, конечно. Без нее ничего не обходится.

Я распахиваю шкаф. Алеша сидит на полу, забившись в угол. Одной рукой держит телефон, другой сжимает край зеленого платья Веры. Она надевала его на свой последний день рождения.

На мгновение мне кажется, что сейчас Вера раздвинет вешалки, возмутится, что мы устроили в ее шкафу, а потом подхватит сына на руки. Но в шкафу только ее одежда. И наш испуганный ребенок.

— Папа, — шепчет Алеша.

В телефоне слышится голос Нины:

— Алешенька, что там? Ты меня слышишь?

Я забираю телефон. Вызов обрывается. Не знаю, нажал ли я на экран или Нина сама отключилась. В любом случае уже не важно.

Опускаюсь перед сыном на колени.

— Что ты здесь делаешь? — мягко спрашиваю я.

— Я не хочу к бабушке, — шмыгает сын носом, а на глазах уже блестят капельки слез.

— Поэтому ты спрятался?

Он кивает, на щеках появляются мокрые дорожки.

— Сын, я же тебе объяснил, — вздыхаю устало. — Ты побудешь у нее всего три дня. Мне нужно уехать...

— Нет! — Он пьтится и тянет за собой платье. — Бабушка сказала, что теперь я буду жить у нее.

Когда она успела это сказать? Зачем? Вопросы множатся со скоростью света, но ребенку я их не задаю. Только сжимаю челюсти.

— Бабушка неправильно меня поняла, — пытаюсь как-то смягчить ситуацию, но Алеша упрямо качает головой.

— Она сказала, что не надо считать дни, — четко отвечает он. — Потому что ты все равно всегда работаешь.

Мама не могла неправильно понять. Я дважды повторил: только на время командировки. До пятницы. И точка. Она услышала именно то, что я сказал и решила по-своему.

— Я не собираюсь тебя отдавать, — произношу медленно и четко, глядя сыну в глаза. Хочу, чтобы он понял каждое слово. — Никогда и ни за что.

Алеша смотрит на меня с недоверием.

— Ты сам сказал, что у бабушки мне будет лучше, — напоминает он мои недавние слова. И я действительно так считал, но сейчас уже не уверен.

— Только пока меня не будет. На три дня.

— А потом ты опять будешь работать.

Возразить нечего. Я уезжал и раньше. Возвращался поздно, пропускал завтраки, обещанные прогулки и укладывания. Вера прикрывала меня. Говорила сыну, что папа работает, чтобы у нас все было. Теперь Веры нет, и между мной и Алешей больше никто не стоит.

— Я хочу остаться здесь, — всхлипывает он. — С тобой. И с Ниной.

— Ты останешься дома.

Обещание срывается раньше, чем я успеваю подумать, с кем именно он останется. Лариса знает Алешу с рождения, но она не няня. Маму после сегодняшнего я к нему не подпущу, пока не выясню, что произошло.

Остается Нина.

— С Ниной? — с надеждой спрашивает Алеша.

— Если она согласится.

— Она согласится. Она уже едет.

Он произносит это так, словно Нина уже решила проблему, с которой я не справился. Я протягиваю руку.

— Вылезай.

Алеша качает головой и сильнее сжимает платье.

— Без мамы не пойду.

— Хорошо. Вместе с платьем.

Приходится залезть в шкаф. Я подхватываю сына, стараясь не наступить на подол. Он обхватывает меня за шею и утыкается лицом в плечо.

Тело у него горячее, но мелко дрожит. Я выношу Алешу из гардеробной вместе с зеленым платьем. Шелковая ткань тянется за нами по полу.

— Пап, ты точно не отдашь меня бабушке?

Слово «отдашь» звучит страшно даже для меня. Что, черт возьми, я делаю? Собирался оставить сына у родной бабушки на три дня. Всего на три дня. Но ему хватило одного вечера, чтобы решить, что отец от него отказывается.

— Не отдам, — отвечаю я. — Ты останешься дома.

В детскую Алеша соглашается идти только у меня на руках. Не выпускает платье и требует, чтобы я лег рядом. Я укладываю его, накрываю одеялом и устраиваюсь поверх покрывала с краю. Он прижимает к щеке зеленую ткань и цепляется пальцами за мой рукав.

— Бабушка сказала, Нина теперь чужая, — шепчет сын, а у меня внутри поднимается жгучая волна протеста.

— Нина не чужая, — осторожно говорю я. — Она твоя тетя.

— Она же придет?

— Придет.

— Обещаешь?

С обещаниями у меня в последнее время плохо, но здесь не могу отказать.

— Обещаю.

— А бабушка не запретит?

— Нет.

— Ты ее всегда слушаешь, а Нину нет, — вздыхает обреченно.

Он не спрашивает. Просто говорит то, что видит. Я хочу возразить, но вспоминаю, как согласился сократить визиты Нины. Как разрешил матери решать, когда она может видаться с Алешей. Как сегодня чуть не отправил сына в дом, где за один вечер ему успели рассказать о новой семье.

— Больше не буду, — говорю я.

Возможно, это первое обещание, которое я действительно собираюсь выполнить.

Алеша закрывает глаза, но мой рукав не отпускает.

— Не выгоняй Нину, она меня спасает, — бормочет он. — Пожалуйста.

— Не выгоню...

Я смотрю на сына. Он уже закрыл глаза. Дыхание постепенно выравнивается, пальцы на моем рукаве слабеют.

Спасает. От родного отца в собственном доме. Просто великолепно... до чего ты дока- тился Воронцов.

Алеша засыпает, а я прижимаюсь губами к его виску. Осторожно высвобождаю руку, поднимаю с пола телефон Веры и выхожу в коридор.

Мне хочется немедленно позвонить и разбудить мать. Спросить, какого черта она наго- ворила ребенку и почему решила, что может распоряжаться моим сыном. Но этот разговор тихим не получится. А Алеша только уснул.

Звонок охраны раздается без двадцати три.

— К вам Нина Сергеевна, — сообщает охранник. — Пропустить?

— Нет.

Я собираюсь отключиться, но он добавляет:

— Олег Сергеевич, она уже возле дома. Говорит, что ее вызвал Алеша.

Конечно. Она же не умеет ждать до утра. Хотя, если бы она ждала, Алеша еще долго просидел бы в шкафу, прижимая к себе платье умершей матери.

— Пропустите, — произношу я.

Спускаюсь на первый этаж. На пороге стоит Нина. Куртка наброшена поверх домашней футболки, джинсы застегнуты криво, волосы собраны кое-как. На ногах кроссовки без носков. Судя по лицу, она готова меня убить.

Я закрываю собой дверной проем.

— Где Алеша? — набрасывается она.

— Спит, — холодно отвечаю я.

— В шкафу?

Я смотрю на нее сверху вниз.

— В своей постели. Прекратите этот балаган.

— Я хочу его увидеть.

Она пытается заглянуть мне за спину, не позволяя.

— Сейчас три часа ночи.

— Ваш сын просил меня приехать. Я хочу убедиться...

Я сильнее сжимаю телефон Веры.

— Моего сына не нужно спасать.

— Если бы не нужно было, он бы мне не позвонил.

— Вы приехали среди ночи, чтобы учить меня воспитывать сына? — откуда-то появля- ется раздражение.

— Нет, я...

Нина делает шаг к двери, но я не двигаюсь.

Мы оказываемся почти вплотную друг к другу, и ни один не собирается уступить.

— Я приехала забрать Алешу.

Смотрю ей прямо в глаза.

— А я вам его не отдам.

Она пытается пройти мимо. Я перехватываю ее за плечи и оттесняю от двери.

— Уберите руки, — требует Нина.

— Тише. Я с трудом его уложил.

— Пустите меня.

Нина вырывается, и я дергаю ее на себя. Она врезается ладонями в мою грудь. Мы оказываемся слишком близко.

— Вы совсем с ума сошли? — шипит она.

— Возможно.

— И что дальше? Утром отвезете сына к своей матери?

— Нет. Я и не собирался отдавать ей Алешу насовсем. Он должен был провести у нее три дня, пока я буду в срочной командировке.

— Но вы все равно уезжаете?

— Должен. Поэтому ближайшие три дня мой сын проведет у себя дома. С вами.

Она замирает и смотрит мне прямо в глаза.

— А если я откажусь?

— Не откажетесь.

Нина молчит. Я вижу, как она хочет возмутиться, ударить меня или развернуться и уехать. Но наверху спит Алеша. И мы оба знаем, что она никуда не уйдет.

— Сначала я увижу Алешу.

— Он спит.

— Я должна сама убедиться, что с ним все хорошо. После этого решу, остаюсь ли здесь.

— Только не будите его.

Я открываю дверь шире и отступаю, освобождая проход в дом.

— Я еще ничего не обещала.

— До пятницы. Потом обсудим, что делать дальше.

Она задевает меня плечом и переступает порог.

— Входите, Нина Сергеевна. Ближайшие три дня вы будете жить в моем доме.

Глава 10. Нина

Олег отступает, и я прохожу в дом. Еще несколько секунд назад он держал меня за плечи и не пускал к племяннику. Теперь молча закрывает дверь и идет к лестнице, будто уверен, что я последую за ним.

Самоуверенный гад, но я, разумеется, следую.

В коридоре второго этажа Олег останавливается.

— Алеша только уснул.

— Я не собираюсь его будить.

— Вы пять минут назад хотели увезти его среди ночи, — хмыкает он.

— Потому что Алеша попросил меня приехать.

— Алеше шесть лет, — Олег ловит мой настороженный взгляд. — Он не может решать, где ему жить.

— Зато может сказать, где не хочет.

Олег смотрит на меня так, словно подбирает ответ, но ничего не говорит. Открывает дверь детской и пропускает вперед. Я вхожу.

Горит ночник. На полу лежит книга, одеяло сбилось к стене. Алеша спит на боку, поджав колени. Одной рукой держится за рукав зеленого платья Веры, другую спрятал под щеку.

Подхожу ближе и присаживаюсь на край. Волосы у Алеши влажные у висков, ресницы слиплись от слез. Я осторожно касаюсь его лба. Горячий, но жара нет. Он вздрагивает во сне и сильнее сжимает ткань.

— Я здесь, — шепчу я. — Спи.

Алеша не просыпается.

Олег стоит в дверях. Рубашка расстегнута у горла, рукава закатаны неровно. Он выглядит так, будто не спал все девять дней. Наверное, так и есть. Только раньше я принимала его усталость за равнодушие.

Сейчас Алеша лежит в своей кровати. Олег сам нашел его, вынес из шкафа и сумел успокоить. Мне это не нравится. Злиться на него было проще, когда он все делал неправильно.

Я поправляю край одеяла и поднимаюсь.

— Убедились? — тихо спрашивает Олег.

— Да.

— Тогда идемте. Пусть спит.

В коридоре он прикрывает дверь, оставляя узкую щель.

— Я останусь до утра, — говорю я.

— Мы говорили о трех днях.

— Вы говорили, — напоминаю ему. — Я не согласилась.

На его лице появляется знакомое холодное выражение, на меня оно не действует.

— Завтра в девять тридцать у меня самолет, — произносит он. — В пятницу вечером я вернусь.

— И решили поставить меня перед фактом в три часа ночи? — складываю руки на груди и с вызовом смотрю на мужа сестры.

— Вы сами приехали.

— Потому что ваш сын прятался в шкафу и плакал мне в телефон.

— Я уже понял, что произошло.

— Правда? Тогда объясните мне, зачем Ирина Аркадьевна сказала ребенку, что заберет его насовсем.

Желваки на его скулах напрягаются. Олег явно не в восторге от этой ситуации. Неужели не знал, или не хотел знать? Теперь уже не важно.

— Утром я с ней поговорю, — сообщает он.

— До того, как уедете?

— Естественно.

— И Алеша останется здесь, — еще раз уточняю. — Все три дня.

— Именно поэтому вы здесь.

Он опять не просит. Сообщает решение, в котором заодно распорядился моим временем, работой и жизнью. Но мне это не подходит. Я не могу бросить все по его желанию

— Завтра у меня четыре консультации. Послезавтра групповое занятие. Я не могу отменить работу, потому что вы внезапно вспомнили, что у вас есть сын.

Олег медленно выдыхает.

— Днем с Алешей может остаться Лариса.

— Она домработница, а не няня, — я недовольно поджимаю губы.

— Она знает его с рождения.

— Этого недостаточно.

— До смерти Веры вас устраивало, что Алеша оставался с ней.

Удар попадает точно. До смерти Веры меня многое устраивало, потому что рядом была сама Вера. Я могла приехать, поиграть с племянником, сводить его в парк и вернуться в собственную квартиру. Если что-то случалось, сестра решала. Если Алеша заболел, Вера не спала. Если боялся, Вера ложилась рядом. Теперь рядом с ним никого не осталось.

Кроме отца, который завтра улетает. И меня, которая не имеет права ни на что.

— Хорошо, — сдаюсь я. — Днем Лариса. После работы я буду возвращаться сюда.

— Водитель отвезет вас в центр и заберет.

— Я доберусь сама, — упрямо вздергиваю подбородок.

— Как хотите, — Олег даже не собирается спорить.

Мы стоим посреди коридора и договариваемся о ребенке, пока он спит за дверью, обняв платье умершей матери. Девять дней назад я даже представить не могла, что буду обсуждать с Олегом, кто уложит Алешу, пока он находится в командировке.

— Я не собираюсь заменять ему Веру, — говорю я тихо. — И вас тоже. Я просто останусь рядом, пока вас не будет.

Взгляд Олега становится тяжелым. Несколько секунд он молчит.

— Гостевая комната в конце коридора. Лариса принесет все необходимое.

— Мне ничего не нужно.

— Всем нам что-нибудь нужно, — устало бросает Олег и уходит.

Я смотрю ему вслед. Даже сейчас последнее слово должно остаться за ним.

В гостевой спальне слишком чисто. Ни книги на тумбочке, ни оставленной на спинке стула одежды. Белое покрывало натянуто без единой складки. Комната словно заранее предупреждает: здесь никто не задерживается.

Куртку я не снимаю. Ложусь поверх покрывала и ставлю телефон рядом. Сон не приходит. Стоит закрыть глаза, и я снова слышу голос Алеши:

«Тетя Нина, заberi меня».

Он позвонил не отцу, который находился в соседней комнате. Позвонил мне. От этой мысли одновременно тепло и страшно. Я люблю племянника. Всегда любила. Но последние годы постоянно напоминала себе, что он не мой сын. У него есть родители, дом и своя семья. Я могу быть рядом, но не имею права переступать черту. Теперь Веры нет. Черта осталась, только за ней больше никто не стоит.

В половине шестого я сдаюсь. Умываюсь, приглаживаю волосы мокрыми ладонями и спускаюсь. В кабинете Олега горит свет. Он сидит перед ноутбуком и разговаривает по телефону. Даже не замечает меня.

На кухне встречаю Ларису.

- Вы уже встали? — удивляется она.
- Мне нужно съездить домой за вещами. Скоро вернусь.
- Может, водителя попросить?
- Не нужно.
- Она мнетя, поглядывая в сторону лестницы.
- Алеша просыпался?
- Нет. Я проверяла десять минут назад.
- Если проснется, скажите, что я вернусь до завтрака.

На улице сереет. Дорога почти пустая, и через двадцать минут я уже поднимаюсь в свою квартиру. Здесь все осталось так, как я бросила ночью. Одеяло на полу, открытый шкаф, кружка с недопитой водой. Я снимаю одежду, становлюсь под душ и несколько минут просто стою, упершись ладонями в кафель.

Потом собираю вещи. Три футболки, джинсы, белье, косметичка, рабочий ноутбук. Получается почти как в командировку, только еду я в дом собственной сестры, где теперь занимаю гостевую комнату.

Синяя папка лежит в спальне под стопкой старых журналов. Я достаю ее и провожу пальцами по загнутому углу. Документы из клиники, результаты исследования, записка Веры и флешка. Все, что сестра спрятала в банковской ячейке и почему-то оставила мне.

Можно положить папку обратно и запереть квартиру. Но весь вчерашний вечер меня не оставляло ощущение, что документы здесь лежат небезопасно. Вера не стала бы прятать их в ячейке, если бы боялась только неловкого семейного разговора.

К тому же в пятницу Олег вернется. Я должна показать ему записку и рассказать правду об Алеше. Потому что Вера больше не может объяснить сама. Кладу папку в сумку рядом с ноутбуком и застегиваю молнию. Флешку убираю во внутренний карман куртки.

К дому Воронцовых возвращаюсь около половины седьмого. У крыльца уже стоит машина Ирины Аркадьевны. Водитель загружает в багажник спортивную сумку Алеши.

Значит, она до сих пор уверена, что заберет его. В холле слышны голоса. Я оставляю свою сумку у лестницы и прохожу в гостиную. Алеша сидит на диване в пижаме. Зеленое платье лежит рядом, и он придерживает его ладонью, словно боится, что кто-нибудь унесет. Ирина Аркадьевна стоит над ним полностью одетая, с безупречной укладкой и сумочкой на локте.

- Нина! — Алеша вскакивает и бежит ко мне.
- Я обнимаю его. Он прижимается всем телом.
- Ты приехала.
- Доброе утро, малыш.
- Мы скоро выезжаем, — сообщает Ирина Аркадьевна.
- Алеша замирает.
- Нет.

Олег появляется в дверях. На нем костюм, в руке телефон. Он переводит взгляд с матери на сына.

- Алеша никуда не едет.
- Мы все обсудили вчера, — напоминает Ирина Аркадьевна.
- Вчера я не знал, что ты ему наговорила.
- Я всего лишь подготовила ребенка к переменам.
- К каким переменам? — голос Олега становится строже. — Я оставлял его у тебя на три дня.

— А потом что? Ты снова уедешь. Мальчику нужен нормальный режим, а не случайные люди, которые появляются по первому звонку.

- Она смотрит на меня. Алеша сильнее цепляется за мою футболку.
- Нина не случайный человек, — говорит Олег.

Я поворачиваюсь к нему. Кажется, Ирина Аркадьевна тоже не ожидала этих слов.

— Она воспользовалась испугом ребенка, чтобы поселиться в твоём доме, — резко произносит та.

— Хватит, — обрывает Олег.

Одного слова достаточно, чтобы мы обе замолчали. Он подходит к матери.

— Ты сказала моему сыну, что я отдаю его тебе. Сказала, что Нина больше не придет. После этого ты не останешься с Алешей одна и не будешь обсуждать с ним ничего, — чеканит Олег каждое слово.

— Ты запрещаешь мне видиться с внуком?

— Я запрещаю тебе пугать моего сына.

— И оставляешь его с ней?

— Алеша остается в своём доме. Нина Сергеевна поживет здесь до моего возвращения.

Ирина Аркадьевна смотрит на сына так, словно впервые видит перед собой не мальчика, которого можно отчитать, а мужчину, способного ей отказать.

Потом ее взгляд скользит к лестнице. Моя сумка стоит там, где я ее оставила. Молния разошлась на несколько сантиметров, между темной тканью виден синий угол папки. Ирина Аркадьевна задерживает на нем взгляд. Всего на секунду.

Я выпускаю Алешу, подхожу к сумке и застегиваю молнию до конца. Когда поднимаю голову, мать Олега уже отвернулась.

— Мне пора, — говорит Олег и присаживается перед сыном.

— Я вернусь в пятницу.

— Точно?

— Точно. Три раза постишь, и я буду дома.

— А Нина останется?

Олег смотрит на меня.

— Останусь, — говорю я. — До пятницы.

Его плечи расслабляются.

— Звоните Алеше, — прошу Олега.

— Конечно.

Он выпрямляется, берет чемодан и направляется к выходу. На пороге оборачивается. Не на мать смотрит, а на Алешу. Только после этого выходит.

Сын подбегает к окну и следит, как машина отца исчезает за воротами.

— Он вернется? — спрашивает Алеша.

— Вернется.

Лгу уверенно, потому что сейчас ему нужна именно уверенность, а не взрослая правда о том, что люди иногда не возвращаются.

Ирина Аркадьевна проходит мимо нас.

— Я забыла лекарства в гостевой спальне.

— Я принесу, — предлагает Лариса.

— Не нужно. Я сама.

Она поднимается вверх. Я хочу остановить ее, но Алеша берет меня за руку и ведет с собой в гостиную.

— Нина, а сколько до вечера?

— Несколько часов.

— А до пятницы?

— Три сна.

— Это долго?

— Не очень.

Он обдумывает ответ и кивает.

Ирина Аркадьевна спускается через несколько минут. В руке у нее небольшой флакон, сумочка плотно застегнута.

Перед выходом она останавливается рядом со мной.

— Не принимайте временную необходимость за приглашение в семью.

— Я прекрасно знаю свое место.

— Надеюсь.

Она уезжает. Я смотрю на закрытые ворота, потом на мальчика, который все еще держит меня за руку. В пятницу Олег вернется, и я покажу ему синюю папку. Расскажу о клинике, о записке Веры и о том, почему у Алеши мои глаза.

А после этого он, возможно, больше никогда не позволит мне переступить порог этого дома. Но молчать нет никакого смысла.

Глава 11. Нина

После отъезда Олега в доме становится непривычно тихо. Спортивная сумка Алеши остается стоять у шкафа. Я берусь за ручки, но племянник сразу оказывается рядом.

— Не убирай.

— Почему?

— Пусть папа увидит, что я никуда не уехал.

— Хорошо. Оставим здесь.

Зеленое платье Веры Алеша носит за собой. Кладет рядом за столом, прижимает к животу на диване. Я не предлагаю повесить его в шкаф. Сейчас это не одежда. Это мама, которую еще можно обнять.

— Папы не будет долго, — вздыхает Алеша.

— Не очень, — улыбаюсь я. — Всего три денечка.

— А ты тоже здесь поспишь?

— Посплю. А днем мне нужно на работу.

Его лицо сразу меняется.

— Ты тоже уедешь?

— Да, и вернусь после пяти. Но постараюсь приехать раньше.

— Папа всегда говорит, что вернется пораньше.

Без упрека. Просто сообщает известный ему факт: взрослые обещают, а потом у них появляются дела.

Я присаживаюсь перед ним.

— После работы я сразу приеду сюда.

— Точно? — подозрительно прищуривается племянник.

— Точно.

— А если не успеешь?

— Позвоню и скажу.

Алеша долго смотрит мне в лицо, потом кивает. Проверять будет вечером.

В восемь утра звонит Олег. Он уже в аэропорту, за спиной светлые стены и голоса.

— Папа! — Алеша хватается телефон. — Мне надо поспать три раза.

— Знаю, — улыбается Олег.

— Ты тоже считай.

— Обязательно.

Олег расспрашивает про машинки, обещает вечером посмотреть рисунок. Не торопит сына и не заканчивает разговор через минуту.

— Дай телефон Нине Сергеевне.

Алеша протягивает мне телефон, но остается рядом.

— Он ел? — спрашивает Олег.

— Да, все в порядке.

— Платье все еще у него?

Я смотрю на зеленую ткань под локтем Алеши.

— Да.

Олег несколько секунд молчит.

— Не забирайте.

— Я не собиралась.

— Пусть еще немного побудет с мамой.

Не ожидала, что он понимает, почему сын держится за платье.

— Если что-нибудь случится, звоните сразу.

— Даже во время вашей важной встречи?

— В любое время.

Он отключается.

Девять дней Олег почти не замечал, что происходит с сыном. Теперь звонит вовремя, помнит про платье и разрешает прервать совещание. Этого мало. Но это уже не ничего.

К девяти я уезжаю в центр. Алеша провожает меня до крыльца.

— После пяти, — напоминает он.

— После пяти. Постараюсь приехать к ужину.

— Ты сказала «постараюсь».

Приходится исправиться:

— Приеду к ужину.

На первой консультации телефон лежит в ящике стола. Через десять минут я достаю его и проверяю сообщения. Ничего. Убираю обратно.

Работа обычно забирает меня целиком. Сегодня часть меня остается в доме Веры. Между приемами я читаю сообщения Ларисы, спрашиваю, ел ли Алеша, не звонила ли Ирина Аркадьевна.

В половине шестого я уже в доме.

— Ты опоздала, — обиженно сообщает Алеша.

— На двадцать минут.

— Ты обещала после пяти.

— После пяти — это не ровно в пять.

Он молча уходит в игровую.

Мне хочется объяснить, что я перенесла разговор с родителями и ехала быстрее, чем следовало. Но ему безразлично, чего мне стоило приехать. Он услышал обещание и ждал. Господи, я ничем не лучше Олега...

— Завтра назову точное время, — говорю ему вслед.

За ужином Алеша съедает две ложки пюре и отодвигает тарелку.

— Не хочу.

— Тогда котлету.

— Тоже не хочу.

— Ты почти ничего не ел.

— Я не голодный.

Кое-как уговариваю его доест котлету.

Потом Алеша отказывается идти в душ.

— Мама разрешала не мыться, если я устал.

— Каждый день?

— Да.

Врет и не краснеет.

— Сегодня придется.

— Ты не мама!

Он произносит это зло, а потом сразу пугается и прижимает платье к груди.

Я отворачиваюсь к раковине. Мне требуется несколько секунд, чтобы ответить спокойно. Алеша прав. Я не мама. Как бы сильно мы ни были похожи, что бы ни утверждали медицинские бумаги, мамой ему была Вера. Она знала, как уговорить его поесть, чего он боится и какую сказку попросит перед сном. Я умею работать с чужими детьми, но рядом с ее сыном постоянно боюсь переступить невидимую черту.

— Я знаю, — говорю наконец. — И не собираюсь становиться мамой. Но сейчас я отвечаю за тебя. Выбирай: быстрый душ или ванна без пены.

— С пеной.

— Такого варианта нет.

В итоге договариваемся на душ. Голову он мыть не позволяет, и я не настаиваю.

Без трех минут восемь Алеша уже сидит на кровати с телефоном. Олег звонит вовремя.

— Покажи рисунок, — просит он.

Алеша подносит лист слишком близко к камере. На рисунке дом, три человека и зеленая полоса сбоку.

— Это мама, — объясняет он. — Она как платье.

Олег молчит, затем спрашивает:

— Почитать тебе?

Первые пять минут он читает про медвежонка так, будто перечисляет пункты договора.

Алеша постоянно поправляет:

— Он испугался, а ты сказал обычным голосом.

— Как надо?

— Страшно.

Страшный голос у Олега получается похожим на обычный, только тише.

Дважды на его стороне раздается звонок. Он сбрасывает. К концу главы Алеша ложится на бок, телефон сползает на подушку.

— Уснул? — спрашивает Олег.

Я забираю телефон и выхожу в коридор.

— Почти.

— Как прошел день?

— Плохо ел, не хотел мыться и напомнил, что я не мама.

— Вы и не мама.

— Спасибо, я и без вас это помню.

— Я не это имел в виду, — хмурится он.

Кто-то зовет Олега. Он оборачивается.

— Мне пора.

— Идите.

— Завтра в восемь.

— Алеша будет ждать.

Он отключается, а я возвращаюсь в детскую.

Когда племянник засыпает, иду в гостевую комнату. Хочу еще раз просмотреть документы из ячейки. Разложить по порядку: бумаги клиники, генетическое заключение, записку Веры. Я до сих пор не решила, когда показать их Олегу, но должна хотя бы понимать, что именно оставила сестра.

Открываю сумку. Синей папки нет. Вытаскиваю ноутбук, зарядку, одежду. Проверяю боковые карманы, хотя папка туда не поместится. Ничего.

Спускаюсь во двор, осматриваю машину. Потом холл, кабинет и место возле лестницы, где утром стояла сумка.

— Вы что-то потеряли? — спрашивает Лариса.

— Папку с документами. Синюю.

— Я не видела.

— Вы переносили мои вещи?

— Только сумку. Она была застегнута.

Я возвращаюсь в гостевую комнату и проверяю все снова.

Папки нет. Так же не бывает? Она не могла пропасть.

Утром еду в свою квартиру раньше работы. Открываю шкафы, смотрю под кроватью, перебираю журналы, под которыми хранила документы. Проверяю даже кухню. Пусто.

Я точно помню, как клала папку в сумку. Помню загнутый угол и тугую молнию. Но последние сутки смешались: звонок Алеши, дом Веры, Олег на пороге, дорога домой и обратно.

Могла оставить папку в прихожей. Вытащить вместе с ноутбуком в центре. Положить на крышу машины. Звоню в охрану поселка и администратору на работе. Никто ничего не находил.

Весь четверг я жду, что документы обнаружатся в очевидном месте. Лариса еще раз проверяет комнаты. Я снова осматриваю машину. Без папки я не могу говорить с Олегом.

Не потому, что боюсь признаться. Шесть лет я молчала по просьбе Веры. Теперь сестры нет, и объяснить, зачем она скрыла донора, некому. Если я скажу правду без документов, это будет выглядеть так, будто я решила заявить о своих правах сразу после ее смерти. Поэтому я молчу.

Олег звонит утром и вечером точно в восемь. Алеша уже не следит за часами. Он знает, что отец позвонит.

В четверг вечером показывает ему две зачеркнутые клетки на листе.

— Все. Завтра ты вернешься.

— Вернусь.

— А Нина уйдет?

Олег смотрит на меня через экран.

— Сначала я приеду, и мы поговорим.

Он не обещает, что я останусь. И правильно. Я сама согласилась только на три дня.

В пятницу утром Олег сообщает, что самолет приземлится вечером.

— К восьми будешь? — спрашивает Алеша.

— Если рейс не задержат.

— А если задержат?

— Я тебе позвоню.

— Мы тебя встретим.

— Договорились.

После разговора я снова ищу папку. Безрезультатно. Откладываю признание. Сначала найду документы, потом поговорю с Олегом. Несколько дней ничего не изменят после шести лет молчания.

Начинаю собирать свои вещи. Спортивная сумка Алеши по-прежнему стоит возле шкафа.

— Ты уедешь, когда папа вернется? — спрашивает он.

— Да.

— Потому что он тебя выгонит? — вздыхает племянник.

— Потому что у меня есть свой дом.

— Значит, ты больше не будешь здесь жить.

Я сажусь рядом.

— Из этого дома уйду. Из твоей жизни — нет.

— Бабушка тоже сказала, что мама всегда будет со мной.

— Я не умерла, Алеша. Ты сможешь мне позвонить, увидеть меня и даже поссориться со мной.

— Мы не ссоримся.

— Ну и замечательно!

После обеда Алеша начинает ходить от окна к часам.

— Папа еще не едет?

— Нет. Его самолет прилетит вечером, — напоминаю я.

— Долго.

На улице тепло. Я предлагаю сходить в парк. Перед выходом Алеша оставляет рисунок на столе в гостиной.

— Чтобы папа сразу увидел.

— Он приедет нескоро.

— Ну и что, пусть ждет нас. Я его тоже ждал.

Зеленое платье впервые остается дома. Алеша сам кладет его на кровать и просит Ларису не трогать.

Мы выходим за ворота. До парка десять минут пешком. Алеша едет рядом на самокате и требует засекать время до фонтана.

Телефон в моем кармане молчит. До восьми почти пять часов. Я успею вернуться раньше Олега.

Глава 12. Олег

Встреча заканчивается на четыре часа раньше. Подрядчик подписывает новый график, инвестор соглашается не останавливать финансирование. Андрей предлагает остаться до вечера и проверить сметы, но впервые за много лет я отказываюсь от лишних часов работы.

— Перешли документы в Москву. Посмотрю в понедельник.

— Ты же собирался лететь вечером.

— Уже поменял билет.

Андрей несколько секунд молчит.

— До понедельника? — переспрашивает он.

— До понедельника.

Самолет вылетает через час. Нине я не сообщаю. Утром сказал Алеше, что буду дома к восьми. Хочу увидеть его лицо, когда войду раньше. Сюрприз. Слово совершенно не из моей жизни.

Три дня я дважды в сутки звонил сыну и понял, как много о нем не знаю. Алеша не любит пенку на молоке, боится темной воды в ванной и считает дни не по календарю, а по снам. Нина отвечала на мои вопросы коротко, не жаловалась и не пыталась доказать, что справляется лучше меня. Хотя справлялась.

Вчера Алеша уснул во время сказки, а мы еще несколько секунд смотрели друг на друга через экран. Я хотел сказать, что она может приезжать без разрешения. Не по часам и не через день. Потом решил, что такие разговоры не ведут по телефону.

Сегодня предложу нормальный порядок. Нина вернется к себе, но сможет видеть Алешу, когда захочет. Я перестрою график и хотя бы несколько раз в неделю буду приезжать до его сна. Это не решение на всю жизнь. Но лучше того, что было.

В аэропорту включаю телефон. От Нины сообщений нет. Лариса утром прислала фотографию рисунка, который Алеша приготовил к моему возвращению.

Поднимаю глаза и вижу мать. Она стоит у выхода из зоны прилета. Рядом водитель.

— Что ты здесь делаешь? — хмурюсь я.

— Встречаю сына.

— Я никому не говорил, каким рейсом лечу.

— Андрей сказал.

Значит, мать позвонила в офис и убедила его, что случилось что-то срочное. С Андреем поговорю позже.

— Моя машина уже подъехала.

— Отпусти ее, — просит она. — Нам нужно поговорить до того, как ты вернешься домой.

— Если опять о Нине, не трать время.

— Именно о ней.

Я иду дальше. Мать догоняет меня у стеклянных дверей.

— Олег, ты не знаешь, кого оставил с сыном.

Мне это порядком уже надоело.

— Я оставил его с родной тетей.

— Ты так уверен?

Останавливаюсь.

— Говори.

— Не здесь.

В машине поднята перегородка между салоном и водителем. Мать садится рядом, ждет, пока мы отъедем от терминала, и только тогда начинает:

— Ты три дня наблюдал красивую картину. Заботливая тетя, спокойный ребенок, ужины и сказки.

— Я сам попросил ее остаться.

— После того как она сделала все, чтобы у тебя не осталось другого выхода.

Фраза цепляет, хотя я не хочу этого признавать.

— Алеша испугался твоих слов, а не действий Нины.

— А кому он позвонил? Не тебе. Ей. Она добилась, чтобы ребенок в любой непонятной ситуации звал ее.

— Она была рядом с ним с рождения, — парирую я.

— И все это время ждала.

— Чего?

Вместо ответа мать достает из сумки синюю папку и кладет мне на колени.

— Что скажешь теперь о своей Нине?

— Она не моя.

— Защищаешь ты ее как свою.

На обложке название клиники, в которой лечилась Вера. Семь лет назад мы прошли три попытки. После второй врач сказал, что шансы с яйцеклетками Веры почти нулевые. Я согласился на донорскую программу. В клинике заверили, что донор анонимный, здоровый и прошел все обследования.

Имени я не спрашивал. Мне казалось, оно ничего не изменит.

— Где ты это взяла?

— Нина оставила сумку раскрытой. Я увидела название клиники и...

— И забрала чужие документы?

— Документы моей погибшей невестки находились в твоём доме у посторонней женщины. Я хотела понять зачем.

— Ты залезла в ее вещи, — сжимаю переносицу пальцами. Это какой-то сюр.

— А ты впустил ее в свой дом.

Я открываю папку. Первым лежит договор о донорстве. Дальше согласия, анкета, результаты обследований. На каждой странице имя Нины Сергеевны Орловой. Перелистываю обратно. Читаю снова.

— Этого не может быть.

— Почему? — мать усмехается. — Потому что она тебе не сказала?

— Вера говорила, что донор анонимный.

— Для тебя. Не для нее.

На согласиях подпись Нины. Дата за несколько месяцев до переноса эмбриона. Семь лет назад я знал эту женщину. Она приходила к нам, сидела за одним столом, поздравляла Веру с беременностью. Потом держала Алешу на выписке. И молчала.

— Здесь не только договор, — говорит мать. — Посмотри последний лист.

Я достаю заключение. Исследование сделано недавно, за несколько недель до смерти Веры. В таблице два имени: Нина Сергеевна Орлова и Алексей Олегович Воронцов.

Вероятность биологического родства — девяносто девять и девять десятых процента. Мир за пределами машины начинает вибрировать.

— Зачем ей понадобился этот тест? — не узнаю свой голос.

— Чтобы доказать, что Алеша ее ребенок.

— Это ничего не доказывает юридически, — качаю головой. — Мать Алеши — Вера.

— Возможно. Но Нина детский психолог. Она может заявить, что ты не занимаешься сыном, что ребенок тебя боится, что постоянно остается с прислугой. Алешу будут таскать по опекам и специалистам, а потом и вовсе решат, что ему лучше с генетической матерью.

— Ты сама хотела забрать его, — кидаю на нее напряженный взгляд.

— Я его бабушка и никогда этого не скрывала. А она шесть лет изображала тетю, хотя знала, что связана с ним совсем иначе.

Закрываю папку. Еще час назад я собирался дать Нине свободный доступ в дом. Благодарить за то, что она сделала. Обсудить, как нам растить сына дальше. Теперь каждое ее действие можно прочитать иначе.

Она появилась на поминках и потребовала увидеть ребенка. Устроила скандал у ворот. Обвиняла меня в том, что я плохой отец. Приехала среди ночи со словами, которые я тогда считал проявлением обычной истерики.

— Зачем ей ждать смерти Веры? — спрашиваю я.

— Пока Вера была жива, Нина не могла занять ее место. Не прошло и двух недель после похорон, а она уже живет в вашем доме.

— Потому что я попросил.

— После того как она убедила тебя, что без нее ты не справишься.

Я вспоминаю рисунок с тремя фигурами. Веру, изображенную зеленой полосой в стро-
роне. Нину рядом с Алешей и мной.

Нет. Ребенок не строит планы. Он рисует тех, кто сейчас возле него. Но Нина не ребенок.

Машина въезжает в поселок. Я смотрю на папку и пытаюсь отделить факты от материн-
ских выводов.

Факт: Нина стала донором.

Факт: она скрывала это шесть лет.

Факт: генетическое исследование сделано незадолго до смерти Веры.

Факт: папка находилась в вещах Нины.

Остальное пока только слова. Но именно слова Нины я слышу снова:

«Я приехала забрать Алешу».

У дома нет ни ее машины, ни Алешиного самоката.

— Где сын? — спрашиваю Ларису, едва переступаю порог.

— Они с Ниной Сергеевной пошли в парк. Обещали вернуться к ужину.

На столе в гостиной лежит рисунок. Рядом три машинки выстроены в ряд. В детской на кровати аккуратно сложено зеленое платье Веры. Спортивная сумка стоит возле шкафа нетронутой.

Нина не увезла сына. Они просто гуляют. Я повторяю это себе дважды.

— Видишь, как быстро она здесь освоилась? — мать останавливается в дверях.

— Хватит. Когда Нина вернется, ты уедешь.

— Ты все еще собираешься ее защищать?

— Я собираюсь выслушать обе стороны. Без тебя.

Мать поджимает губы, но не спорит. Ждать приходится сорок минут. Я сижу в кабинете, папка лежит передо мной. Ни один документ не отвечает на главный вопрос: чего хочет Нина.

Из холла доносится голос Алеши:

— Папа!

Я выхожу. Сын бросает самокат и бежит ко мне. Подхватываю его, прижимаю к себе. Он смеется и спрашивает, почему я приехал без звонка.

— Хотел сделать сюрприз.

— Получилось!

За его спиной стоит Нина. Волосы растрепаны ветром, на плече сумка. Увидев мать, она перестает улыбаться.

— Ирина Аркадьевна? Что вы здесь делаете?

— Уже уйду, — отвечает мама.

Я ставлю Алешу на пол.

— Покажи Ларисе, как ты катался. Мне нужно поговорить с Ниной Сергеевной.

— А потом мы поужинаем?

— Потом поужинаем.

Он берет самокат и уходит с Ларисой. Мать задерживается возле двери.

— Я сказал: без тебя.

Она смотрит на Нину, потом на меня и выходит.

— Что случилось? — спрашивает Нина.

— В кабинет, — грубо приказываю я.

Она идет первой. Я закрываю дверь, достаю из папки генетическое заключение и кладу перед ней.

Нина видит документ и бледнеет.

— Что это? — произношу я. — Потрудитесь объяснить.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.